

ТИПЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНДРИЧА В ПОСТЮГОСЛАВСКОМ КОНТЕКСТЕ

Резюме: В этой статье представлены идеологические модели и выделены национальные приёмы в литературных произведениях Андрича последнего десятилетия 20 века для боснийской и сербской интеллектуальной среды и при этом изучается генезис негативного восприятия этого писателя. Так же указаны причины изменений, которые внесены для изучения произведений Андрича, перенесённых из первичных эстетических рамок.

Ключевые слова: Иво Андрич, приём, идеология, эстетика, политический контекст, распад Югославии

Политические виды приёмов¹ прозаических произведений Иво Андрича² с того времени, которое начинается с прекращения существования старой Югославии (в начале 1990-х годов), свидетельствуют об одном радикально представленном обороте: от писателя с репутацией сторонника диалога разных и противоположных культур и цивилизаций (приобретенном, прежде всего, на основе так воспринимаемого смысла его символики мостов в литературной критике), как и автора, который „ всегда лучше воспринимался в оценке и критике своих литературных друзей – когда можно было ожидать, чтобы так и не было“³, Андрич – в обстоятельствах изменённого политического контекста, который в радикальной мере влиял и на перемену рамок исследования и актуализации работы писателя – всё чаще представлен как ненавистник боснийских мусульман⁴ и как „ один из архитекторов преступного проекта „Великая Сербия“,⁵ чья литературная работа

¹ Эта статья была создана на основе научно - исследовательской работы Матицы сербской “ *Поэтические тематические и приёмные координаты современной сербской прозы*, “, которую финансирует Краевой секретариат по высшему образованию и научно-исследовательской деятельности.

² Речь прежде всего идёт об обсуждении романов “*Мост на Дрине*”, “*Травницкая хроника*”, “*Проклятый двор*” и “*Омерпаша Латас*”, как и рассказов “Путь Алии Джерзелеза”, “ Для кемпинга”, “Мустафа Маджар”, “Любящий благодать”, “ Письмо из 1920 года”, ит.д. При этом докторская диссертация Андрича “*Развитие духовной жизни в Боснии под влиянием турецкой власти*”. (Die Entwicklung des geistigen Lebens in Bosnien unter der Einwirkung der türkischen Herrschaft), защищенная в Граце в 1924г. и доступная в переводе Зорана Константиновича только с 1982 г., часто потом служила как самый важный шаблон в оспаривании благожелательности Андричевого восприятия ислама и боснийских мусульман в его литературе.

³ Вучкович Р. Замечания о приёмах Андричевских произведений в сербской литературной критике, в “ *Сборнике о Андриче*”, редактор Вучкович Р. (1999), Белград: Сербский литературный кооператив, стр. 319.

⁴ Христианского населения и османской власти в Боснии“. Тутневич С. (2011). Картина мира Андрича и мусульманская/бошняцкая литература, в: *Разрыв литературных течений на Славянском Юге*; Белград: Официальный мессенджер, стр. 401 (первоначально объявлено в *Тетрадах одарённости Иво Андрича* 24(22), 2005, стр. 441-450).

⁵ Посмотри интервью Мухиддина Пашича (бывшего президента филиала Бошняцкого сообщества культуры из Тузлы “Возрождение“) для *Дневной аваз*; Здесь цитируется выдержка из интервью сараевского журнала “*Дни*”, где она появляется, и перенесена в рамках статьи Мила Ласича, Lasic M. (20 август 1999) *Позорная хроника, Дни*, стр. 42-43.

представлялась как „литературная поддержка великосербской идеологии „⁶ и „эстетики для геноцида „⁷

Когда говорим о послевоенной негативной критической оценке литературного творчества Андрича, важно сказать, что такой вид его понимания и представления - основанный на нелитературных критериях и обвинениях за антимусульманское отношение писателя - существует непрерывно с некоторыми объяснениями упомянутого произведения ещё с довоенного периода (написанных со стороны критиков, чья литературная компетенция полностью маргинальная: Шукрии Куртовича, ⁸Адила Зулфикарпашича,⁹Смаила Балича ¹⁰и Мустафы Мулалича).

Трактат Шукрии Куртовича „*Мост на Дрине и Травницкая хроника* от Иво Андрича в свете братства и единства“ в этом смысле, хронологически первый по счету появился между текстуально объемными критическими отзывами, которые тематизируют негативный образ боснийских мусульман в трудах Андрича.

Часто цитируемое в новых послевоенных взглядах Андричевого „исключительного представления Бошняков через призму ненависти ¹¹ (прежде всего в студии литературного историка Мухсина Ризвича “*Боснийские мусульмане в мире Андрича*”, напечатанной в 1995 г.) обсуждение содержит широчайший регистр приговоров Андричу, которые появляются и в будущих оспариваниях и „низких“ прочтениях литературных достижений этого писателя: о

⁶ Мумнович Р.Национализм как негатив в литературе Андрича, в: *Андрич и Бошняки*. Сборник статей. Библиография, редактор Маглайич М.(2000). Тузла: Бошняцкое культурное общество „Возрождение“ - Районное общество, стр. 117.

⁷ Мумнович Р.Национализм как негатив в литературе Андрича, в: *Андрич и Бошняки*. Сборник статей. Библиография, редактор Маглайич М.(2000). Тузла: Бошняцкое культурное общество „Возрождение“ - Районное общество, стр. 117.

⁸ После выяснения, что невозможно опубликовать рукописи Куртича в стране она была опубликована – по совпадению обстоятельств и без участия автора – в иммигрантском журнале “ *Боснийские взгляды*” Адила Зулфикарпашича, в период с 1961 по 1963 годы (в четырнадцать продолжениях). Интегральная версия статьи напечатана в 1994 г. в *Тетрадах отдарённости Иво Андрича* 12/13(9/10), стр. 387-438, с сопроводительными замечаниями Станиши Тутневича (“Замечания” занимают страницы 435-438).

⁹ Вместе с работой Куртовича, в виде предисловия, опубликовано и примечание Адила Зулфикарпашича, основателя и редактора *Боснийского взгляда*. Кроме этого, можно идентифицировать еще несколько журнальных примечаний того же автора с идеологическим фокусом (напр. “Коммунисты подавляют критику писаний Иво Андрича” и “*Хорватский обзор* об Иво Андриче”).

¹⁰ Смаил Балич, востоковед и библиотекарь, многолетний эмигрант в Австрии (в Вену приехал в конце 1941 г. учиться, когда ему был двадцать один год), был очень заинтересован литературной работой Андрича и его докторской - и по своему призванию (научным интересом о культурной истории Боснии и ислама), и политически, будучи вместе с Адилем Зулфикарпашичем, одним из эмигрантов, больше всего ангажированных на продвижение боснийских событий. В журнале *Боснийские взгляды* (в том же номере, в котором и начали печататься обсуждения Шукрии Куртовича с продолжениями).

В одной более обширной заметке (озаглавленной “Иво Андрича нужно разоблачить”), подчеркнул , что *упрямо поддерживаемое противомусульманское настроение в душе и литературе одной части Южных Славян, требует от боснийско-герцеговских мусульман, чтобы словами и работой защищали свое натуральное право на жизнь (...). Это право становится обязанностью в тот момент, когда появляются силы, которые отрицают любое моральное значение, стараясь ставить их вне закона. Типичный пример этих реакционных усилий даёт Иво Андрич, очень хороший автор в письменной речи и в комбинаторике, но подлая душа которого весь творческий людской век нагнетает страсти о фатальности мусульманского мира и мусульман как людей;* Балич, С (1961) Иво Андрича нужно разоблачить, *Боснийские взгляды* 2 (9); цитата к *Боснийским взглядам* (1984), давление, Zurich:Stamaco, str 131),

¹¹ Kazaz,E (2001) Эгзистенциальность/историчность Боснии – представления в ловушке идеологии по случаю собрания работ *Андрич и Бошняки*, ВЗК Возрождение, Тузла, 2000), *Новое выражение* 10/11, Сараево: Р. Е. Н. Центр Боснии и Герцеговины, стр. 132. Цитируемую формулировку Казаз не выносит под своим именем, но пользуется ею, чтобы критически обозначить антиандричевскую тенденцию сборника *Андрич и Бошняки* 2000 г.исутствии иностранных консулов, несколько мусульман из мешков вытряхивают отрезанные носы и уши убитого сербского населения).

злонамеренном „последовательном назывании наших мусульман Турками“¹² и расистском отношении к ним,¹³ о неравном воспринимании различных узурпаторов свободы Боснии и Герцеговины (османского и австровенгерского),¹⁴ и т.д. ¹⁵Однако статья Шукрии Куртовича (как и до недавнего времени неопубликованный текст Мустафы Мулалича „Нобелевский лауреат и его награждённый роман “Мост на Дрине”“) ¹⁶написана со специфической точки зрения, которую Дарко Танаскович называет „югославско-мусульманским“¹⁷ (противоположно «этапу оспаривания с боснячко-мусульманской позиции“, которая по его мнению начинается опубликованием текста Мухамеда Филиповича „Боснийский дух в литературе – что это такое?“¹⁸ 1967 года, хотя его начало можно сдвинуть на несколько лет назад) – не содержит идентичную идеологическую перспективу не похожую на перспективу, которую проецирует Зулфикарпашич.

Хотя не большое по объему, но своей ненавистью к Андричу, серьёзностью заявленных обвинений, как и политически мотивированной пропагандой, направленностью отдельных заявлений в ней, примечание Зулфикарпашича превышает остроту статьи Куртовича. Именно, пока Куртович – подчёркивает необходимость заботы о сохранении общего югославского государства и на важность отсутствия межнационального антагонизма - Андричу приписывает неморальное, неосторожное отношение и неспособность к политической чувственности всех проблем;¹⁹ по убеждению Адила Зулфикарпашича, редактора эмигрантского журнала *Боснийские взгляды* и основателя Боснийского института в Цюрихе, романы Андрича (*"Мост на Дрине"* и *"Травницкая хроника"*) написаны во время Второй мировой войны с первоначальным замыслом автора, чтобы перед европейским обществом представить алиби за сербские преступления над боснийскими мусульманами в войне.²⁰ Такое отношение Зулфикарпашича²¹ (в боснийской академической среде

¹² Куртович Ш. (1994) *"Мост на Дрине" и "Травницкая хроника"* от Иво Андрича в свете братства и единства, *Тетради одарённости Иво Андрича* 12/13 (9/10), Белград: Отдаренность Иво Андрича, стр. 389.

¹³ Тоже самое, что и на странице 412.

¹⁴ Тоже самое, что и на странице 409.

¹⁵ Также, здесь можно включить и анализы Куртовича различных сцен из упомянутых двух романов: насаживание Радисава на кол, разговора Томы Галуса и Фехима Бахтияревича на мосту в Вишеграде (из романа *"Мост на Дрине"*), или сцены из дворца везира (когда в X главе *"Травницкой хроники"* на требование Ибрахим-паши, в пр-----

¹⁶ Адресованная рукопись Мустафы Мулалича представляет главу его писания *Монография родного края Мехмед-паши Соколовича*, которая хранится в Историческом архиве Сараево. Создание этой рукописи Станиша Тутневич по времени охватывает период между 1961 и 1975 годами, благодаря этому литературному историку, напечатан в 2016 г. : Мулалич М. (2016) Нобелевский лауреат Иво Андрич и его награждённый роман "Мост на Дрине", *Тетради одарённости Иво Андрича* 35(33), стр. 267-292, с Тутневичевым „Примечаниями“ (на страницах 292-295).

¹⁷ Танаскович Д. (1994) Восприятие работ Иво Андрича в югославско-мусульманской среде, *Научное собрание славистов в Дни Вука* 22(11), Белград: Международный центр славистов, стр. 233.

¹⁸ Филипович М. (1967) Боснийский дух в литературе – что это такое?: попытка исследования по поводу сборника стихов М. Диздара *Каменный спящий, Жизнь* 16(3), Сараево: Блеск, стр. 3-18.

¹⁹ Таким образом у Куртовича складывается мнение, что у Андрича «нигде не выделяется сходство (боснийских) мусульман с остальным нашим миром, а напротив, рядом с самыми худшими моральными качествами, он в обеих книгах показывает мусульман в таком свете, как будто они не только что-то особенное в отличии от остального народа, но полная противоположность ему в любом виде, даже и в этническом (389), в соответствии с чем предупреждает, что «то, что он написал - полная противоположность не только с реализмом, но и с благородством, с доброй волей настоящего литератора, с идеей братства и единства, потому что он вместо толерантности и взаимной любви, проповедует не толерантность, если не сказать больше - ненависть между единокровными братьями (402).

²⁰ В примечании „Коммунисты подавляют критику творчества Иво Андрича“ 1961 года (*Боснийские взгляды* 2 (8); цит. к тому же в: *Боснийские взгляды*, давление, стр. 121) Зулфикарпашич утверждает, что „труды Иво Андрича вызвали оправданное огорчение у мусульман Боснии и Герцеговины, учитывая враждебную тенденцию. Иво Андрич писал *"Мост на Дрине"* во время оккупации, во время резни четниками невинных мусульманских масс и эта работа должна была оправдать эту резню перед европейским обществом“. Почти идентичное утверждение (с тем, что расширил его и на *Травницкую хронику*) этот же автор повторяет и в собственной редакционной заметке, которую даёт с оглядкой на Куртовича: „Пока боснийские четники

посредством идеи Мухсина Развича, который в своей студии с середины 1990-ых годов полагается на него; пока в широком культурном обществе стал более доступен после появления текста тогда семнадцатилетнего Нихада Крешевлаковича, впоследствии директора военного фестиваля в Сараево, в известном боснийском журнале для молодёжи *Vox* ²²) косвенно вдохновляло в конце 20 и в начале 21-ого века многих исследователей (Есада Дураковича, Узеира Бавчича, Расима Муминовича, Русмира Махмутчехаича), которые выражают согласие с критическим представлением Андричевского описания, но не с точки зрения возможных негативных эффектов, возникнувших из его политического злоупотребления с сербской стороны (о которой тоже будем говорить), а ответственность и вину за „геноцид“ и „этнические чистки“ смещают в домен сознательных писательских намерений.

Формирование и значительное расширение репертуара идеологических обвинений, вместе с приписыванием различных типов теоретическо-методологических основ политического вызова произведения Иво Андрича, фигурирует в двух исследованиях сараевского литературного историка Мухсина Ризвича: в трёхтомной *Литературной жизни Боснии и Герцеговины между двумя войнами* ²³(где „вину Андрича“ за негативное „представление“ о Мусульманах пытается доказать в поэтическом плане и вместе с тем распространяет её и на других боснийско-герцеговинских писателей, в первую очередь на сербских, но и из остальных литературных традиций“²⁴) и, в первую очередь, в его объёмной монографии *“Боснийские мусульмане в Андричевском мире”*.

Как самый объёмный, самый детальный и самый значительный, в момент публикации, обзор Андричевского „антибоснийского“ и „антимусульманского“ литературного и научного творчества, эта книга Ризвича (издана после смерти автора ²⁵ на практически семистах

убивали мусульман и в Сербии Недича созревала „идея“ уничтожения „Турок“, в это время Иво Андрич писал свои романы *Мост на Дрине* и ²⁰*Травницкая хроника. Они должны были быть оправданием для убийства мусульман. Это была попытка создания алиби для тех злодейств (подчеркнул А.З.)“ Зулфикарпашич, А. (1961) Вместо предисловия, Боснийские взгляды 2(9); цит. из Боснийских взглядов, давление, стр. 133).*

²¹ Вопреки мнению Зулфикарпашича (который считает, что в своем несоответствии Андрич пренебрегает сербскими преступлениями над мусульманскими жертвами и оправдывает их негативным описанием боснийско-герцеговских мусульман), Куртович находит некомпетенцию Андрича в том, что – неосторожно актуализировав межнациональную ненависть – пренебрегает оценкой примеров усташского насилия над Сербями в НДХ, и описывает, как Иво Андрич...ужасается этим „турецким наказанием“ (посадкой на кол) несколько веков назад (...), а не почувствовал потребность поднять свой голос и осудить ту страшную дикость и бешенство, которые преобладали над православными Сербями именно тогда, когда он писал своё произведение, и которому нет примера в нашей истории». Кутович Ш., наз. произведение, стр.405.

²² Посмотри: Крашевлакович, Н.(1990) Иво Андрич – Markiz de Sad нашей литературы, *Vox*6, Сараево, стр. 6-8 (автор в тексте переносит самые поразительные обвинения Зулфикарпашича против Андрича).

Этот журнал, основан в начале 1990 года (когда только начал печатался), с номера посвящённого Андричу (на обложке журнала представлена карикатура Андрича, проколотого ручкой, с книжкой *Геноцид над Мусульманами*)- напечатан в пятьдесят тысяч копий - финансируется как раз со стороны Адила Зулфикарпашича.

²³ На это трёхтомное исследование Ризвича (Rizvić, M.(1980) *Литературная жизнь Боснии и Герцеговины между двумя войнами, книга 1-3, Сараево: Блеск*) – о чьих научных результатах утверждается, что „импрессионируют беспрецедентной безответственностью в обращении с литературными фактами“, составляют „субъективную картину литературного прошлого Боснии и Герцеговины, о которой с трудом можно сказать, что мотивирована только литературными причинами» - отмечает Станиша Тутневич.

Посмотри: Tutnjtvić, S.(1989) *Литературная вина и месть: обзор на книгу „Литературная жизнь Боснии и Герцеговины между двумя войнами“* М. Ризвича, Сараево: Блеск. Глава “копии” Тутневича, которая относится к Ризвичеву видению Андрича (озаглавлено: „ Андрич - „автор“ спектакля о Боснии и создатель „вины“ Мусульман за духовную, моральную и ментальную отсталость Боснии и её людей“), включает страницы 84-106.

²⁴ Тутневич С. (1994) Политический статус Иво Андрича в свете одного нового источника, *Тетради Одаренности* Иво Андрича 12/13(9/10), стр. 456.

²⁵ Мухсин Ризвич умер 9-ого июня 1994 года.

страницах в 1995 году ²⁶ в Сараево, заслугой её редактора Энеса Дураковича, историка боснийской литературы), с одной стороны стала предметом многочисленной критики ²⁷ (но всё таки интересно, что меньше всего было интереса и критических отзывов в сербской науке о литературе), но с другой стороны – в важном сегменте боснийских приёмов Андрича, в первую очередь в публикации (на некорректный, произвольный, очень поверхностный и агрессивный способ) ²⁸ – получила статус самой упоминаемой, когда речь идёт о содержании и об отношении к полным трудам Андрича.

Станиша Тутневич заявляет, в краткой части одного объемного текста по аспектам разных национальных типов приёма произведений Андрича (с фокусом на период в течении 1990-х годов), что эта книга *коронное доказательство упомянутых приёмов Андрича в мусульманском литературном, культурном и политическом окружении этих кризисных лет и авторитетная основа для дальнейших действий в том направлении. Важность этой книги в первую очередь в том, что автор в ней наконец открыл все ловушки и выкопал почти непроходимый карст литературного строительства, в котором скрыл свои настоящие намерения и отношения к Андричу и сербской литературной традиции в ранее упомянутой трёхтомной книге 1980 года. Здесь, он на самом деле специально и открыто, обширно от произведения до произведения, пытается доказать вину Андрича за его, якобы, негативную картину о Мусульманах и этим однозначно подтверждает, что отношение к Андричу в упомянутой книге, не чья-то причина или шалость, но его настоящее авторское отношение.(.....) Основная характеристика этой работы всё таки в том, что она в целом основана на смешивании и замене исторической и эстетической правды, и как таковая не может быть соответствующей ни для исторической, ни для литературной науки.*

Тутневич С. (2000) Национальный аспект приёмов произведений Иво Андрича, в : *Динамике сербского литературного пространства*, Баня Лука: Голос сербский, стр. 202-203. Богдан Ракич утверждает, что Ризвич - в отличии от своих предшественников – специалистов по литературе, потому и его атака на Андрича самая авторитетная, но он – в критике писателя – существенно не отходит от точки зрения, которую достиг Шукрия Куртович, как любитель (Rakić, B. (2000) *The Proof Is in the Pudding: Ivo Andric and His Bosniak Critics*, *Serbian Studies* 14(1), Bloomington: Slavica Publishers, p 87). Силия Хоксворт напоминает, что книгу Ризвича, „тяжело читать, потому что она направлена только к одной цели и что выражает глубокую обиду“, Хоксворт, С. (2004) Иво Андрич: красный платок на политической сцене, *Тетради Одаренности Иво Андрича* 23(21), стр. 151). Иван Ловренович говорит о „позитивной старательности Ризвича в классификации „грехов“ Андрича к мусульманам, которая ведёт к „полному отрицанию литературного любовно-национального идеологического критерия“. Ловренович И. (2008) Иво Андрич, парадокс молчания“, *Мотришта* 12(41), Мостар, Матица хорватская, Мостар, стр.69). Также надо посмотреть и интересные тексты Радмилы Горуп и Амилы Кахрович-Посавляк: Gorup, R.J. (2001) *Reader as Critic Ivo Andrić's Bosnian Chronicle*, *Serbian Studies* 15(2), pp. 217'228; Кахрович-Посавляк

²⁶ В записи каталога этой публикации как год издательства стоит 1995, в то время как на отпечатанной книге стоит другая дата, соответственно 1996 год.

²⁷ Иво Жанич отмечает, что Ризвич написал „идеологическое обвинение, основанное на поверхностном психологизме и биографизме“: Жанич И. (1996) Писатель в изоляции: использование литературы Андрича во время войны в Боснии и Герцеговине, *Erasmus* 4 (18), Zagreb: ErasmusGilda, str. 52.). Енвер Казас (наз. произведение, стр.127) ту же книгу, между критическими усилиями, в которой изучаются литературные „грехи“ Андрича, называет „самой широкой и самой амбициозной интерпретацией писательского творчества“.

²⁸ Посмотри, например, рукописи двух боснийских писателей и публицистов Сеада Зубановича и Мехмеда Делича: Делич М . Корни Андричевских моральных отклонений, 6 январь 2011 (<http://www.bosnjaci.net/prilog.php?pid=40118>); Зубанович С. Великосербская литература предшественница геноцида, 07 июль 2015. (<http://www.bosnjaci.net/prilog.php?pid=56210>). В их текстах, в которых обилие произвольности, вытекающей из неполного чтения книги Ризвича – вместе с бесчисленными произвольными конструкциями о Андриче как о „литературном уроде“, представителе великосербской пропаганды, психическом инвалиде - часто и чужие мнения о Андриче (Куртовича, Зулфикарпашича и Филиповича) утверждается, что принадлежат Мухсину Ризвичу.

А. (2012) Чтение как канонизация: методы фальсифицирования текста на примере „Милостивой Мари“ Иво Андрича“, *Anzeiger fur Slavische Philologie* 40, Graz: Institut fur Slawistik, str.21-38.

Позитивистским подходом анализируя большинство прозаических произведений - новеллы, романы, эссе, устные рассказы, которые напечатал Любо Андрич-Ризвич ищет любые сведения, которые могли бы понять как выражение писательской „враждебности к жизни, духу и культуре исламского Востока, которая существовала в Боснии, вместе с тенденциозной и нагруженной глубокой косовской виной, идентификацию Босняков с Турками-Османлиями, иностранцами и захватчиками“.²⁹ Априористические утверждения, что Андрич боснийских мусульман „клеимит косовской виной и османским насилием, без разницы и оправдания *современного реваншизма против них*“³⁰, что собственную вину из-за национального предательства, которую сделал посольской подписью пакта с Немцами в Берлине (.....), искупил заменой тезиса провозглашения исторической вины Босняков с целью оправдания *современных преступлений над ними* (подчёркнул Б.Б.) и заново самоутверждался в мифическо - романтических идеалах и увлечении сербской историей“,³¹ боснийский литературный историк выносит суждение - о литературной легитимизации Андричем военных преступлений - в идеологическом смысле, идентичное тому, которое тридцать лет назад выдвигал Адил Зулфикарпашич.

Размышляя о газетах, которые приносит Ризвич (при навязывании и расширении домена ответственности Андрича в формировании предубеждения о мусульманском мире) и фокусированию внимания на теоретическом доступе, который применил как доказательство своих убеждений, важно подчеркнуть, как критик Андрича крайне тенденциозным и упрощённым образом использовал знания психоанализа и Яусову теорию рецепции.

Как первый источник исламофобии, Ризвич выделяет писательский оппортунизм и карьеризм, т.е. его стремление „национально-политически приспособиться к монархическому режиму“³² и одновременно настроиться и вписаться в горизонт ожидания сербской читательской аудитории, удовлетворяя „её эпическо-агональными и романтическими чувствами низкого типа“.³³

Так и для Андрича, по мнению Ризвича, произведение „Дорога Алии Джержелеза“ - благодаря развенчанию идемифологизации самого важного эпического героя из мусульманской народной литературной традиции, в „котором (Босняки) кристаллизовали всю свою традиционную сущность“³⁴ – представляло „ключ для входа в литературную и политическую жизнь Белграда“³⁵. Поскольку, по убеждению Мухсина Ризвича, в межвоенном югославском государстве Андрич на горизонте ожиданий сербских читателей соответствовал своим произведениям, в которых герои боснийских мусульман представлены необъективно, по предположению того же критика, Андрич в стране, в которой власть заняли коммунистические силы исполнял ожидания в литературных приёмах сербской среды своими романами (прежде всего *Мостом на Дрине и Травницкой хроникой, а потом и Проклятым двором* и незаконченным романом *Омерпаша Латас*)³⁶. Кроме прагматичных и

²⁹ Ризвич М. (1995) Боснийские мусульмане в мире Андрича, Сараево: Лилян, стр. 16

³⁰ Тоже самое, что и на стр. 79.

³¹ Тоже самое, что и на стр. 313.

³² Тоже самое, что и на стр. 634.

³³ Тоже самое, что и на стр. 8.

³⁴ Тоже самое, что и на странице 24.

³⁵ Тоже самое, что и на странице 8.

³⁶ Можно отметить несколько сведений, связанных с обвинением Ризвича о правилах, по которым в произведениях Андрича исключительно персонажи боснийских мусульман (и им единоверных Турок) негативно представлены, как и то, каким образом этот критик узнаёт и из литературного произведения выделяет антибоснийские взгляды писателя. Очень интересно то, что ни один критик Андрича не упоминает его роман "Барышня", который бы без сомнения, под условием, что главная героиня Райка Радакович

экзистенциальных мотивов Андрича, второй источник “боснийской ненависти” его литературных произведений, Ризвич видит в психологической структуре писательской личности, которую описывает как „интимно травматическую“ и „невротически-психотическую“.³⁷ В таком смысле Ризвич говорит о „подавленной сфере комплексов и девиантных эротических инстинктов у Андрича“, которые «творчески отразились в его произведениях в целом ряде глубоко прожитых «турецких» сексоманских героев и патологически странных сцен (...), как освобождение собственных мрачных напряжений, гомосексуального садизма и мазохизма»³⁸. Обвинив Андрича, как уже заметно из предыдущей цитаты, в личном влечении к гомосексуализму и его прямому влиянию на литературное творчество, Ризвич - в намерении любым способом дискредитировать писателя - свои бесчисленные комментарии о разных типах „странностей“ Андрича, расписал в большинстве глав своего исследования, и так и пишет о его „духовной склонности и творческой загруженности к гнилым психопатологическим героям, сексуальным маньякам, садистам и сценам безумия и преступления“,³⁹ затем о “глубокой идентификации писателя с образом мучителя (...) как собственной внутренней разгрузки и освобождения”⁴⁰, о его „параноидальной одержимости из-за вины, которую чувствовал подсознательно“,⁴¹ „патологически -художественной склонности к кровавому и мучительскому“, ⁴² и т.д. В своём видении личных и литературных антипатий Андрича к боснийским мусульманам, оба источника этих антипатий (экзистенциально-карьерный и невротически-психотический) Ризвич затмевает и объясняет писательским „подсознательным комплексом национально-культурного ренегатства“⁴³.

Этот комплекс, по Ризвичу, установился из-за замены первоначального хорватского этнического идентитета, национальным и культурным определением писателя и принадлежности его сербскому сообществу, проявился, с одной стороны, через взгляды Андрича, идеологически адекватно (путём негативного изображения боснийских мусульман) ответил он на ожидание сербских читателей и политического режима в югославской монархии; пока, с другой стороны, на психологическом уровне ренегатский комплекс открывается как „попытка освобождения от одной травматической нагрузки собственной жизни“.⁴⁴ Узнавая так, в лице Омерпаши Латаса, литературный аналог личности Андрича, причём как фактор связывания выделяется их добровольное обращение из оппортунистических побуждений, Ризвич считает, что этот персонаж принадлежит "к самым лучшим и психологически самым успешным персонажам Иво Андрича".⁴⁵

представлена как член боснийско-мусульманского корпуса вместо сербского, послужил как один из самых главных аргументов в доказательстве враждебного отношения Андрича к мусульманам. И второе, критический процесс, в котором Ризвич находит подразумеваемые противобоснийские идеи Андрича в *Проклятом дворе* с элементарной логической точки зрения произвольны и неустойчивы. Именно Ризвич утверждает, что *Проклятый двор* аллегория не только турецкого общества, но и „того, которое создавалось «под влиянием турецкой власти»“ (449), думая про Боснию, в которой представителями турецкой власти и исламского влияния были славянские мусульмане. Кроме того, что роман выглядит как аллегория Боснии и негативного исламского влияния на неё, Ризвич подчёркивает и что Караджозов «трактат об всеобщей вине в Дворе недостаточно ассоциировал на... исторических виновников „преобразованных в ислам», обращенных в мусульманство Славян в Боснии, которым было пронизано всё его творчество“ (453). С другой стороны, скажем, Радован Вучкович считает, что "*Проклятый двор*" – „аллегорический символ об одном тоталитарном институте“, „фашистском в первую очередь, считая время создания этого произведения“ (Вучкович Р. (1974) Большой синтез, Сараево: Блеск, стр. 419).

³⁷ Ризвич М., произведение, стр. 634.

³⁸ Тоже самое, что и на странице 634-635.

³⁹ Тоже самое, что и на странице 58.

⁴⁰ Тоже самое, что и на странице 201.

⁴¹ Тоже самое, что и на странице 645.

⁴² Тоже самое, что и на странице 607.

⁴³ Тоже самое, что и на странице 105.

⁴⁴ Тоже самое, что и на странице 474.

⁴⁵ Тоже самое, что и на странице 474.

Когда речь идёт о методической процедуре, которую Ризвич применил в своем исследовании, и которая базируется на восприятии Андричевской докторской диссертации, как своего рода идеологический предварительный текст для его литературного творчества, то есть как «концептуальная основа литературного творчества (...) и ключа для понимания отталкивающего отношения к Боснякам и их миру, который Андрич представлял»⁴⁶ В соответствии с пониманием Ризвича, всё что „повествовательно следовало в Андричевых произведениях после 1924 года, это только литературное идеологическое развитие его докторской диссертации“.⁴⁷ Итак, Андричев литературно-творческий труд в наблюдении Мухсина Ризвича получает взгляд одной идеологически и политически последовательной сущности, чьи почти все отдельные сегменты устанавливают непрерывность и идеологическую связь с предварительно уже сформулированным антимусульманским отношением из докторской диссертации (как научной работы) того же автора.⁴⁸ Узнавая критический анахронизм и теоретический недостаток на практике принятия докторской диссертации Андрича, как отправной точки в исследовании его литературных достижений, Эсад Дуракович в своём тексте „Творчество Андрича в потоках идеологии евроцентризма“(1997 года)⁴⁹-на первый взгляд уважая разницу между историографическим литературным дискусом - попытался негативному типу приёма Андрича обеспечить другой теоретический фундамент. На самом деле, в статье этого уважаемого в международных научных кругах востоковеда и арабиста – в критическом понимании картины мира и концептуальной плоскости в творчестве Андрича- продемонстрирована максимальная жесткость и исключительность в применении первоначальной источниковой парадигмы ориентализма Эдварда Саида.⁵⁰ Таким образом, Дуракович располагает литературную

⁴⁶ Тоже самое, что и на странице 32.

⁴⁷ Тоже самое, что и на странице 56.

⁴⁸ В разных случаях и по разнообразным причинам уже оспаривалась практика некритической линейной идентификации идеологического мира Андричева литературно-художественного творчества с его идеологическими убеждениями из докторской диссертации (имея в виду, что речь идёт о разных типах дискурса: литературном и научном). Посмотреть например: Диркович С. (1982) Мнение проф. Симы Дирковича о докторской Андрича, *Тетради Одаренности* Иво Андрича 1(1), стр. 247-249; Ловренович И. (7.декабрь 1982) Шесть десятилетий тайны, Сегодня (Загреб), стр.61; Тутневич С. *Литературные вины и мести*, стр. 87; Жанич, И. работа, стр 50; Казаз, Е. (2001) От исторического до символического места, *Разница/Differance* 1(1), Тузла: Университет в Тузле, стр. 77; Колевич С. (2007) Андриче в дискурсивном и вымышленном языке, в *Вавилонские вызовы: о встречах разных культур в литературе*, Нови-Сад: Матица сербская, стр.81-82.

⁴⁹ Дуракович Е. (1997) Андричево творчество в потоках идеологии евроцентризма, *Знаки времени* 1(2), Сараево: Научно-исследовательски институт „Ibn Sina“, стр. 97-108. Надо напомнить, что эта работа большое внимание публики и острую реакцию привлекла только после новой распечатки в сборнике „*Андрич и Босняки*“ (все цитаты из текста Дураковича будут процитированы в этом источнике).

⁵⁰ Лонгинович замечает, что „дизмензия востоковеда в Андричевом литературном творчестве во многом различается от определения (этого термина), являющегося основным и политическим предположением Саидового ориентализма европейского колониального доминирования Востоком“, пока на примере Боснии речь идёт о „турецкой колониальной доминации над славянским населением“ (“The Orientalist dimension in Andrić’s writing is quite different from this definition since the main historical and political condition of Said’s ‘Orientalism’ is European colonial domination over the East”). Longinović, T. Z. East Within the West: Bosnian Cultural Identity in the Works of Ivo Andrić, in: Ivo Andrić Revisited: The Bridge Still Stands, ed. Vucinich, W. S. (1995), Berkley: University of California, p. 124. Давор Беганович указывает, что картина, которую находим в творчестве Андрича о колонизации Боснии „это внутренняя картина и ей не хватает важного компонента, который отличает Саидовых востоковедов, то есть фукоовская паноптическая перспектива“, и поэтому Андрич «не может быть востоковедом, он возможно может принять определённые постулаты восточного дискурса, но остаётся по сути далёкий и чужой»; Беганович Д. (30. Июл. 2009) Востоковедение и национальная идеология, Освобождение, Сараево), стр. 11. Зоран Милутинович считает обвинения в Андричевском ориентализме поверхностным и считает, что восточные суды в *Травницкой хронике* появляются прежде всего в заявлениях Давида или в его зонах, но до такой степени подорваны или релятивизированы его поведением, его остальными заявлениями, что можно обосновано считать как ориентализм в *Травницкой хронике* одна из тем, а не сознательное или бессознательное отношение автора.“ (“Orientalist claims in the novel mostly appear in Daville’s utterances, or in his zones, but they are relativized and subverted to such an extent by his actions, his other utterances and relationship with other characters, that it seems justified to claim that Orientalism in *Bosnian Chronicle*

работу Андрича в рамки традиции европоцентричной имперской культуры и литературы, подчеркивая что он принадлежит к такого рода литературе, „которая средствами искусства представлена в мощной идеологии, которая в сегодняшнем мире именуется как евроцентризм, и чьи стратегические цели очевидны в частично успешных усилиях, чтобы Восток и восточная духовность, в первую очередь восточно-исламская духовность, в целом негативизируются до точки, когда этот мир и эта духовность становятся осмысленным и “обоснованным” предметом отрицательного отношения“.⁵¹

Подчёркивая, что труд Андрича в идеологическом плане представляет „литературную отоманизацию Боснии“⁵², что писательские „евроцентристические идеологические отношения радикализованы до уровня настоящего расизма“,⁵³ тот же критик выносит убеждение, по которому Андричу была присвоена Нобелевская премия по литературе только по причине европоцентричной идеологической ориентации⁵⁴ и „очень успешной идеологической вовлечённости, а не из-за художественной ценности“⁵⁵ его творчества. Далее, следуя поискам и формулировкам Ризвича, Дуракович говорит о двух плоскостях одновременного идеологического взаимодействия прозы Андрича: о „развенчивании мусульманских позитивных мифов“ как о поступке, по которому „отнимается база достоинства одного народа“,⁵⁶ а потом и о „демонизации всеобщей мусульманско-боснийской истории“, по которой „Боснякам навязывается чувство коллективной вины, подавленного стыда и разрушительной неполноценности“. ⁵⁷И наконец, применяя картину мира Андрича, существующую только во время, в котором написаны его инкриминируемые романы *Мост на Дрине* и *Травницкая хроника* (Вторая мировая война),⁵⁸ но и на последнюю гражданскую войну в Боснии и Герцеговине (в период 1992-1995 гг.), Дуракович утверждает, что читатель „воспринимает совет Андрича как аутентичный и кто поведётся за эмоциональным чувством, которое производит его творчество, само собой будет считать полезным истребление Босняков как опасного элемента в самой ткани так называемой европейской цивилизации“.⁵⁹

Замечая странное явление, что степень приписываемой вины Андричу как писателю и резкость критического тона к его творчеству увеличивается по градации в любой следующей „атаке“ - из-за чего статья Шукрии Куртовича кажется вообще безопасной по отношению ко всем негативным критическим интерпретациям, которые как отправную точку имеют в писательской „антимусульманской тенденции“, напоминаем, что в хронологическом ряду следующую попытку идеологической дискредитации писателя представляет уже

*appears as one of the novel's themes, not as the conscious or even subconscious attitude of its author”). Milutinović, Z. (2008) Misunderstanding is a Rule, Understanding is a Miracle: Ivo Andrić's Bosnian Chronicle, Slavonic and East European Review 86(3), Leeds: Maney Publishing, p. 463. Также и Миролуб Йоквич замечает, что Андрич в своём литературном творчестве „мир никогда не просматривал из перспективы победителя, но из перспективы побеждённых“, Посмотреть: Йоквич М. (1998) Политические аспекты творчества Андрича, в *Язык в долине другой стороны*, Белград: Рашская школа, 22-31.*

⁵¹ Дуракович, Е. статья Андрич и Босняки, стр. 192.

⁵² Тоже самое, что и на странице 198.

⁵³ Тоже самое, что и на странице 200.

⁵⁴ Мустафа Мулалич (статья стр.268-270), с другой стороны считал, что „доверчивый“ и „наивный“ Нобелевский комитет при выборе Андрича, как лауреата премии, руководствовался „чувством морального долга к югославской литературе“, как и то, что большая заслуга принадлежит влиянию югославской культурной дипломатии. Важность этой премии для Мулалича „несовместима с ценностями литературного творчества Андрича“(270).

⁵⁵ Есад Дуракович, статья стр.192.

⁵⁶ Тоже самое, что и на странице 199.

⁵⁷ Тоже самое, что и на странице 199.

⁵⁸ В манере Зулфикарпашича автор подчёркивает, что „Андрич пишет свои самые известные романы перед лицом геноцида над мусульманами в Боснии, Санджаке и Черногории, содействуя этому геноциду собственными средствами и оправдывая его своим творчеством (Тоже самое, что и на странице 203, сноска номер 23).

⁵⁹ Тоже самое, что и на странице 203.

упомянутый сборник *Андрич и Бошняки*.⁶⁰ Причина возникновения этого сборника очень странная: он сделан как результат научной конференции „Творчество Иво Андрича в историческом и общественном контексте“, проходившего 13 и 14 ноября 1999 года в Тузле, организованного после многомесячного обсуждения (в сараевских журналах *Дни и Освобождение*) по инициативе муниципального общества Боснийского культурного сообщества „Возрождение“ (от 7-ого мая 1999 года), чтобы изменить название улицы, которая в этом городе носит имя Андрича. В этом смысле, Мухиддин Пашич, тогда председатель этого общества, в интервью для Дневного аваз (данным, как вид объяснения этой инициативы) высказал многочисленные обвинения на счёт писателя, напоминая что Андрич „только из-за своих литературных работ несёт большую ответственность, может быть больше чем и сами исполнители проекта „Великая Сербия“. Он один из идеологических архитекторов этого проекта, вместе с некоторыми членами САНИ. Если бы был жив, наверное, мы бы начали утверждение его ответственности за преступления в Боснии, за все ужасы, которые случились с боснийским народом“.⁶¹

В соответствии с основной мыслью редактора – чтобы утвердились и аргументировались тезисы об Андриче как о великосербском шовинисте и пристрастном литераторе „антибоснийской идеологии“⁶² – у протагонистов такого вида приёма, как считает Тутневич, были более высокие перспективы „в теориях, которые суть с самого текста переносят на контекст, а с произведения на читателя“, причём „всегда не хватает ключевой ссылки, которой собственный теоретический пункт связывается с текстом, соответственно с предметом, о котором говорится и который является решающим для результата до которого доходим“⁶³ Как бы занятие любым текстом из сборника было излишним, потому что не доносит никакую новизну в критической интерпретации литературного произведения писателя, напомним только о особых деталях, которые могли бы быть „представительскими“ для назначенной модели рассмотрения самого Андрича и его творчества. Хаджем Хайдаревич, например, называет Андрича „атрофированным национальным романтиком“, который „весь в стенах разочаровывающих заблуждений о странах, народах, верах, культурах“, пока его литература – вдохновлена «идеологическим зарядом косовского мифа» - мономифическая и монологическая „до такой степени, что и сама становится мифом“ и „одновременно ложью.“⁶⁴ Мухамед Хукович призывает использовать Мадридскую декларацию (1998 года), как бы – по рекомендации этой декларации из школьных учебников в Боснии и Герцеговине исключат все потенциально оскорбительные содержания для других народов в государстве – удалить все произведения Андрича.⁶⁵

Текст Расима Муминовича, боснийского философа и профессора сараевского Философского факультета (умершего в 2012 г.) „Национализм как отрицание творчества Андрича“ -это работа, которая написана с самыми большими критическими претензиями в данном сборнике. С исключительной резкостью, с которой говорит о Андриче (какую можно ещё

⁶⁰ В сборнике напечатано всего 16 статей, разделенных на две части. В первой части находится 12 из всех 15 статей, которые представлены на научной презентации (три приложения – чьи авторы Мухиддин Джанка, Марко Оршолитч и Мустафа Спахич – потом убраны), пока в другой части находится 4 ещё ранее опубликованных текстов (Шукрии Куртовича, Мунибы Маглайлича, Денане Бутурович и Есада Дураковича), которые – за исключением Магличевого произведения, как и статьи Денане Бутурович (оба автора доставили и новые доклады, напечатанные в первой части сборника) - принадлежат одной и той же модели творчества Андрича. Надо напомнить, что текст Неджада Ибрахимовича («Контекст в тексте или Фиктивная биография в непонятном контексте интерпретации») из первой части сборника, единственный противопоставлен негативному приёмному ключу, в котором узнаётся творчество Андрича, то есть его автор обсуждает такой вид приёма, как это предлагается и продвигается посредством этого сборника.

⁶¹ Цитата Ласич М., работа, стр.42-43.

⁶² Посмотреть: (Магайич М.) Речь редактора в *Андрич и Бошняки*, стр.7.

⁶³ Тутневич С. Картина мира Андрича и мусульманско-боснийская литература, стр. 404-405.

⁶⁴ Хайдаревич Х. Андрич как судьба; в *Андрич и Бошняки*, стр. 22-23

⁶⁵ Хукович М. Литературное творчество Иво Андрича в свете Мадридской декларации; в *Андрич и Бошняки*, стр. 109-110.

только встретить в публицистических текстах некоторых боснийских авторов об этом писателе), Муминович привносит и некоторые новинки в теоретическом подходе. Выдвинув на передний план гуманистическое содержание произведения искусства и его справедливость, этот критик считает, что литература Андрича игнорирует оба упомянутых компонента, которые по его мнению имеют решающее значение для объявления оценки стоимости. С тех пор, как „отпустил цель искусства“, несмотря на свои формальные и стильные качества, творчество Андрича – как считает Муминович – стало „служанкой великосербской идеологии“, и оно сегодня, „стоя на уровне косовского *mythosa*“, на гуманитарный взгляд становится прошлым, „которое могло вдохновлять только палачей трагедии в Сребренице, упорствующим в своём косовском безумии“.⁶⁶

Хотя и следовало бы ожидать, что негативная волна в литературном творчестве Андрича в произведениях боснийской критической практике, поднялась на верх с опубликованием книги Мухсина Ризвича и сборника *Андрич и Босняки*, показывая-хотя только во многих литературных жалобах и их исключительности - знаки падения, и было очень трудно понять, что бы могло снова появиться такое обширное критическое исследование о Андриче, как у Ризвича во втором десятилетии 21 века (2013г.). Сначала напечатаны работы хорватско-американского историка Ива Банца „Политические аспекты деятельности Андрича“⁶⁷ и несколько текстов Русмира Махмудовича,⁶⁸ а потом и его же книга на шестистах страницах под заголовком *Андричество: против этики воспоминаний* (2015). Для текущей проблемы, статья Ива Банца не имеет большой актуальности, то есть – вклад этого (в международных кругах) известного историка (преподавателя в американских университетах Стенфорд и Йейль, как и в Центрально-европейском университете в Будапеште)⁶⁹ утверждение негативной приёмной линии, которая базируется на отношении ненависти Андрича к мусульманам (стимулированной писательской оппортунистической привязанностью великосербской идеологии) гораздо более измеримы и далеко идущие в косвенной форме. Именно, жесткое рассмотрение и негативное качественное рассуждение о писательском литературном творчестве в боснийской критике - измерено эффектами его действия и влияния в науке – находились в большей степени в ограниченных локальных рамках. Но,

⁶⁶ Муминович Р. произведение стр. 117.

⁶⁷ Текст Банца создан для необходимости в участии на встрече по поводу 120-летия с дня рождения Андрича, проходившего в Загребе 14-ого декабря 2012 года, организованном Хорватским обществом писателей. Опубликован потом в 2013 г. в двух журналах: *Вапас*, 1. (2013) Политические аспекты творчества Андрича, *Forum Bosnae* 61/62, Сараево: Международный форум Босния, стр.116-121; такая же статья напечатана и в загребском журнале *Литературная республика* 11(7/9), стр. 99-103. Текст историка хорватского происхождения представляет короткий доклад о природе политического участия Андрича, в основном по описанным свидетельствам других, и не приносит новых взглядов, которые были бы важными для дальнейшего исследования писательской политической деятельности (сам автор, судя по содержанию текста, не имел такие стремления), в то время как о его литературной работе написано несколько коротких предложений. В них Банац пишет, что Андрич смотрел на Боснию «как на страну ненависти и свои мысли о малой родине поставил в уста своему литературному двойнику Миксу Левенфельду. Нет сомнения, что все что ретроградно в Боснии, он связывал с исламом и «поклонниками арабского ошейника». Мусульманские герои, как Джерзелез Алия и братья Моричи, в его произведениях дегуманизированы».

⁶⁸ Посмотри: Махмутчехайич Р. Андричизм: An Aesthetics for Genocide, pp. 619-667; Тот же самый (2013b) Андричизм: против этики воспоминания, *Forum Bosnae* 61/62, стр.122-140; Тот же самый (2014) Запреты и его представители: о национализме, расизме и ориентализме, Ежегодник БЗК „Восстановление“, 14, Сараево: БЗК „Восстановление“, стр. 128-149. Книга Махмутчехайича (все три текста составляют её части) носит идентичный заголовок, как и другие упомянутые тексты. Четвёртая статья (в ней Андрич не основная тема исследования), которая представлена на Третьей научной конференции „Боснийско-герцеговачское государство и Босняки“, которая состоялась 1-ого июня 2013 года в Сараево (в организации БЗК «Восстановление»), не напечатана как часть будущей книги. Посмотри: Махмутчехайич Р. (2013c) Боснийская политическая философия: между фантазиями и реальностью, Ежегодник БЗ „Восстановление“13, стр. 101-145.

⁶⁹ Иво Банац работал в Университете Стенфорда с 1972 по 1977 год, после чего перешел в Университет Йейль (в котором до сих пор работает как почётный профессор). В период с 1994 по 1999 год был директором Института Юго-Восточной Европы будапештского Центрально-европейского университета. С 2007 по 2009 год находился на должности председателя Хорватского хельсинского комитета по правам человека.

появлением текста Русмира Махмутчехайича „ Андричевство: An Aesthetics for Gtnocide“ в справочном американском научном журнале *East European Politics and Societies*,⁷⁰ „боснийская академическая демонизация Иво Андрича», как пишет Мухарем Баздуль, „вышла в мир“.⁷¹ То, что специфично для статьи Махмутчехайича (как и для потом объявленной книги), это довольно ясно, что в ней нет особенностей научной работы, не удовлетворяет формальным характеристикам академического дискурсивного стиля, и напечатан как какой-то вид философско-спекулятивного и политического очерка с завышенными видами внелитературной аргументации, чье происхождение прежде всего могло быть размещено в области теологии или, прежде всего, философии, религии.⁷² Следовательно, не является ничтожной информация, что этот текст, охарактеризованный как „ошибочное чтение вместе со слепотой и абсолютной волей для обвинений“, ⁷³получил свое место в высококвалифицированном американском журнале (и возможность быть на виду в самых широких слоях американской общественности, которая занимается „восточноевропейскими исследованиями“) благодаря одному из его редакторов Иво Банацу. Что в этом случае речь идет не об обычном использовании совершенно легитимного права редакции любого журнала печатать научные статьи независимо от того, согласна ли она с научными результатами, которые в них представлены или нет, но то, что речь идет о непосредственной научной поддержке, свидетельствует и понимание того, что Иво Банац с еще одним хорватским университетским профессором, который большую часть первого десятилетия 21 века работал в Университете Йейль (Слободана Просперова Новака), появляется как рецензент упомянутой книги Махмутчехайича Андричевство.

Несмотря на объем экстенсивности книги Махмутчехайича и совсем другое теоретическое видение (теологически-философское), из которого творчество Андрича воспринимается, не могло бы утвердиться, что она доносит некоторую значительную новизну в контексте различных обвинений, которые направлены писателю и его литературному произведению.⁷⁴

⁷⁰ О референтности этого журнала говорим не в смысле качества опубликованных статей, но и его цитирования и влияния, измеряемого фактором воздействия на своей платформе Web of Science, которую публикует американская организация Thomson Reuters.

⁷¹ Баздуль М. (17 сентября 2013) Иво Андрич между Махмутчехайичем и Кулийшем, Освобождение.

⁷² Еще в своей книге о поэзии Мака Диздара, определяющей природу собственного доступа к литературному произведению, сам Махмутчехайич утверждает, что его рассмотрения в основном находятся в «аспекте вечной философии»; Махмутчехайич Р. (2009) Через реку: о поэзии Марка Диздара, Сараево: Vcubook, стр.7). Мая Абаджия в своем критическом взгляде на эту книгу, четко утвердила недостатки, которые касаются удобства самого литературного доступа и уверенности его реализации в конкретной характеристике Махмутчехайича литературно-художественного творчества Диздара.

А именно, автор книги Махмутчехайича считает представляющей «совершенно манипулятивный, схоластически интонированный лабиринт, который на определенных местах теряет связь с литературой, преобразующий начальный характеризующий поток в кропотливое, долгое и стойкое объяснение основных понятий постоянной философии», и в заключении своего взгляда, утверждает, как „метод Махмутчехайича“ не владеет ни одной нужной характеристикой литературно-критического метода, кроме своих псевдо-философских рамок», и что „ключевая проблема этой книги, есть точка, в которой она потеряла свой смысл, но не цель, в которой она отреклась от цели своего объекта, поэзии Мака Диздара, и перешла в литературу проповеди“. Абаджия М. Когда литературная критика коллаборирует в схоластику; Махмутчехайич Р. (2009) Через реку: о поэзии Марка Диздара в: Нация и постструктурализм: сборник анализов и статей, редактировал Соколович М. и Иманович Х. (2013), Сараево: Интеркультура, посмотри страницы 85 и 93. Недостатки, о которых говорит Абаджия, могли бы в большей части относиться и на исследование Махмутчехайича о литературном творчестве Андрича.

Махмутчехайич и в статье о Андриче остался последователен в своем теоретическом подходе и интерпретации модели, применяемой при анализе поэзии Диздара; основная разница между этими двумя книгами очевидна в позиции критика к предмету рассмотрения: по отношению к Диздару он несомненно утвердительно (считает его самым большим боснийским поэтом), по отношению к Андричу и его литературному творчеству крайне негативен.

⁷³ Die falsche Lektüre ist mit Blindheit und dem unbedingten Willen zur Denunziation verbunden“, Беганович, Д. (2013) Islam und Christentum zwischen Ablehnung und Verflechtung. Der Franziskaner-Zyklus von Ivo Andrić gelesen im Kontext seiner Dissertation, Slavica Tergestina 15, Trieste: Università degli Studi di Trieste, S. 104.

⁷⁴ Интерпретация Махмутчехайича во многом полагается на понимании Ризвича и Дураковича, несмотря на то, что во всей книге критик Ризвича вспоминает только два раза, а Дураковича ни одного раза (при этом берёт

Кроме того, в рассмотрении творчества Андрича – в статье, чей автор бывший декан Электротехнического факультета университета в Осиеке (инженер электротехники) и заместитель премьер-министра правительства Боснии и Герцеговины (1991-1992)- связь между теологическими, философскими и историческими отражениями на одной стороне,⁷⁵ и уже стабильной модели политической казни писателя (якобы выведено из литературного творчества Андрича) на другой, не только что не убедительно доказана, но и осталась совсем непонятной и неузнаваемой. Поэтому в данной ситуации мы попытаемся коротко прояснить смысл заголовочного неологизма „андричево“ и подзаголовочных фраз „эстетика геноцида“ и „этика памяти“ (из статьи и книги, которые появляются как элементарные, лейтмотивные идеи Махмутчехайича, связанные с литературой Андрича).

Монету „андричевство“ Махмутчехайич сначала определяет как явление некритической глорификации и политического использования писателя. Тоже понятие он наиболее точно описывает, называя „маской для представления боснийского мусульманства, идеологически разработанного расового и религиозного отчуждения, которое угрожает нашей нации», то есть «канонизацией последовательной работы Иво Андрича на службе культурного расизма как важного содержания любого национализма».⁷⁶ Таким концептуальным определением „андричевства“, между тем, не охвачены все значения, которыми его творец пользуется на самом деле. Именно Махмутчехайич в своей критике не показывает только инструментализацию литературного творчества Андрича, но интерпретацию основывает на потенцировании природы якобы негативного отношения писателя к боснийским мусульманам, как „Другом“, совсем странном и низкокачественном (через всю статью он повторяет напоминание Андрича „о рассказах о Турках и о наших“⁷⁷): своей работой, якобы, писатель опосредует свою собственную расистскую и националистическую позицию к мусульманам в форме „грубого ориентализма“⁷⁸. Итак, термином «Андричевство», в той же степени, Махмутчехайич указывает и на один тип литературно-идеологического дискурса близкого ориентализму, которым боснийские мусульмане преобразовываются в фигуры расового, этнического и культурного иностранца. Литературную и идеологическую модель для негативного представления о мусульманах Андрич, по убеждению Махмутчехайича, имел в творчестве Негоша, и он свои „рассказы поставил в те же рамки национальной богословии“⁷⁹, чьё ключевое содержание „обесчеловечивание Турок“.⁸⁰

В последнем выступлении, очевидно, монета Махмутчехайича указывается как конструкция, обременённая идеологическими значениями.

многие мысли Дураковича, помимо той, кто «примет мир Андрича аутентичным и кто попадёт под эмоциональный заряд, который производит его творчество, по природе вещей считает полезным истребление Босняков» (Махмутчехайич утверждает, что Андричевские «истории не о какой-нибудь действительной Боснии и ни о её людях. Если кто-нибудь посчитает, что они-то и есть, хочет или нет, принимает его использование для преступных действий»). Махмутчехайич Р. (2015) Андричевство: против этики памяти, Белград: Clío, стр.83.

⁷⁵ Как показатель философско-спекулятивного эссе эстетического слоя в книге Махмутчехайича о Андриче, посмотри например, следующие предложения: «Пророк Хвал говорит, что между всеми людьми этого и будущего мира он и пророк Иса самые близкие друг другу. Им, как знакам совершенной человеческой возможности, соответствует полдень в космическом горизонте. Солнце в зените. (...) Ветер знак Духа – нежный и жесткий, бодрящий и разрушительный, отсутствующий и присутствующий, везде и нигде, милый и неуловимый, приходящий и уходящий, жизненно важный и смертный, плодovitый и пустой». Тоже, стр. 358-359.

⁷⁶ Тоже, стр. 290.

⁷⁷ Эту синтагму Андрич использовал во вступительном замечании вместе со своим первым сборником рассказов, опубликованном в 1924 году. (Эти рассказы о турках и о наших, только часть (приблизительно половина) одной работы, начатой рассказом «Путь Алии Джержелеза» и до сих пор незаконченной», Андрич И. (1924) Рассказы, Белград: Сербский литературный кооператив, стр. 3).

⁷⁸ Махмутчехайич Р. Андричевство, стр. 332.

⁷⁹ Махмутчехайич Р. Боснийская политическая философия: между фантазиями и реальностью, стр.124

⁸⁰ Махмутчехайич Р. Андричевство, стр. 101.

Если вспомним способ, которым Муминович оценил всеобщий труд этого писателя: как художественно убедительный и успешный, но пагубен полным искажением гуманистического и этического литературного смысла; увидим, что оценочные суждения, представленные в Андричевстве, основаны на похожей идейной и теоретической платформе. По мнению Махмутчехайича, Андрич-пренебрегающий императив исторической справедливости – показал виновников преступлений как жертв, и “продолжались убийства и преследования выживших Турок и исламизированных людей, святой поступок освобождения, история которого является более убедительной, чем реальность”⁸¹, что свидетельствует о том, как в Андричевых “рассказах существует и тот, который поощряет и оправдывает преступления”⁸².

Далее, рассматривая отношения, в которых находятся эстетика и этика, боснийский автор указывает, что они “невозможны вне их взаимности с справедливостью”,⁸³ и это оспаривает действительность теоретических настроек, которые отстаивают имманентный “внутренний” подход к работе, потому что в такой настройке “разделения художников и художественного творчества совсем невозможно говорить о моральной ответственности и автора, и его читателя”.⁸⁴ Вместе с этим, о литературе Андрича он утверждает, что она “с самого начала включена в сербский национализм в его сербско-хорватском и югославском камуфляжами”.⁸⁵ Идеологическая функциональность и целенаправленность творчества Андрича (которое “обнадёживает человека в злом намерении”⁸⁶), по мнению Махмутчехайича, самый лучший показатель того, что “абсолютная эстетичность”⁸⁷ может представлять в отсутствии этических значений. Таким образом, основная мысль Махмутчехайича, что если в литературе эстетика не полагается прежде всего на мораль, тогда она сможет – в радикальных примерах, как в случае Андричевских рассказов и романов – поддерживать даже и геноцид. Тогда эстетическая убедительность литературно-художественного произведения на самом деле функционирует как мимикрический знак, которым не только что прикрываются неэтические содержания, но и «эстетизацией нацистской политики», размывает возможность наступления последствий, которые были бы сравнимы с “опытом нацизма”⁸⁸. В противоположность, таким образом понятой эстетике, в её абсолютизированной форме (как “эстетике для геноцида”), он ставит “этику памяти”, которой Андрич, по его мнению, противоречит и своим литературным творчеством, и своей биографией.

Эти цитаты из интерпретации творчества Андрича, сделанные Махмутчехайичем, однозначно указывают на основания о значительной изобретательности критика: «справочник возражений» он берёт от Мухсина Ризвича (и косвенно от Шукрии Куртовича), обвинение о “ориентализме” несомненно происходит от Есада Дураковича, в то время как настаивание на этике как ключевом аксиологическом компоненте литературного творчества, имеет предшественника в понимании Расима Муминовича. В сравнении с предыдущей критической литературой о Андриче, как о писателе -исламофобе, вклад Махмутчехайича в этот тип приёмов, с одной стороны отражается в теоретически - философском, широко основанным на рассмотрении и понимании литературы Андрича, как о предшественнике геноцида над Босняками, чьей реализацией она внесла и своим административным эффектом, но и своим смысловым потенциалом (и в проявлении такого понимания

⁸¹ Тоже, что и на странице 12.

⁸² Тоже, что и на странице 13.

⁸³ Тоже, что и на странице 41.

⁸⁴ Тоже, что и на странице 21.

⁸⁵ Тоже, что и на странице 337-338.

⁸⁶ Тоже, что и на странице 12.

⁸⁷ Тоже, что и на странице 392.

⁸⁸ Тоже, что и на странице 392

Махмутчехайич тоже последователь Муминовича)⁸⁹. С другой стороны, поскольку своим присутствием и циркулированием на академической сцене, которое не сводится только к локальным рамкам, есть возможность, чтобы было взято в рассмотрение в интернациональном научном дискурсе заинтересованных исследователей (иностранных славистов, социологов, как и экспертов, которые занимаются международными отношениями, этническими и постколониальными исследованиями, как и исследованиями национализма, ит.д.), трактовка Андрича Махмутчехайичем имеет, в отличие от всех вышеупомянутых критических анализов этого писателя, несравнимо лучшую способность для расширенного толкования.

.В этом смысле, появление текста, опубликованного в американском журнале *East European Politics and Societies*, не имеет меньшего значения от опубликования всей статьи у сербского издателя; дополнительная причина для этого и заголовок статьи из журнала, в котором литература Андрича приводится в прямую семантическую ссылку с геноцидом.

В постюгославском времени, редукционистская интерпретация и политическая оценка литературного творчества Андрича не ограничена только восприятием боснийской, а существует и в сербской интеллектуальной среде.

Поэтому, вместе с сегодняшним исследовательским усилием в пояснении негативного критического восприятия, характерного прежде всего для небольшого сегмента боснийской критики, мы попробуем критически рассмотреть и миметическую модель, типичную для сербского “военного приёма” Андрича (как и примеры позднего нелитературного отношения к произведениям этого писателя).

Под сербским военным приёмом подразумеваем идеологическое видение актуализации (значительно больше, чем трактовка) произведений Андрича и его «применения» к военной действительности (в основном основанном на централизации писательского пророческого «военного предвидения» в боснийском “тёмном вилайете”, его способности выяснить причины и якобы идентифицировать вину “человека, обращённого в ислам” и сербское мученичество в Боснии как универсальное данной категории), которое в сербском интеллектуальном круге выполнялось прежде всего во время войны и в первую очередь на традиционном культурном мероприятии “Вышеградская тропинка” (как и на сборе в том же городе, проведенном по случаю пятидесятилетия публикации трёх романов Андрича), на котором как участники появились Воислав Максимович, Любомир Зукович, Добрила Чосич, Никола Колевич, Радован Караджич,⁹⁰ Вук Милатович, Слободан Рактич-интеллектуалы,

⁸⁹ Несколько отношения Русмира Махмутчехайича связаны с точкой зрения Мухамеда Филиповича. Иван Ловренович утверждает – хотя не связывает взгляды Махмутчехайича с некоторыми важными моментами Мухамеда Филиповича (о богоугодном происхождении Босняков, континуитетах Боснийской государственности и духовной традиции Боснии с акцентом на позитивное влияние ислама)- как на самом деле, рассмотрение боснийской истории”фундаментальная мотивация всех его многолетних, а на самом деле, национально-идеологически заинтересованных разработок, и это в той, в которой Андрич якобы главная тема”(Посмотри: Ловренович И. Андрич и “страна ненависти” (2), 19. январь 2014[<http://www.autograf.hr/andric-i-zemlja-mrznje-2/>]). Станиша Тутневич пишет, как предположение, что Махмутчехайичевское «андричество» сочиняет «такая идентичность конструкции, в которой агрессивное сербско-хорватское национальное сознание разрушается и усиливается первоначальная подлинная боснийская идентичность человеческого сообщества на этом пространстве и Мусульман как подлинных носителей этой идентичности». Такими понятиями “Махмутчехайич наиболее близок”боснийскому духу” Мухамеда Филиповича из далёкого 1967 года, который в этой книге, очевидно умышленно, нигде не упоминается», Тутневич С. (2016) “Последовательное обезчеловечивание боснийских мусульман”, Тетради .Одаренности ИвоАндрича 35(33), стр.310.

⁹⁰ Как показатель военного использования литературного творчества Андрича, Иван Ловренович (как и Марко Вешович в своих публицистических текстах) часто приводит в пример Радована Караджича и Николу Колевича, в то время президента и вице-президента Республики Сербской, которые английский перевод повести «Письмо от 1920 года» - якобы доказательство о Боснии как о стране межнациональной ненависти – представляли иностранным переговорщикам как вид псевдо-литературного (на самом деле политического) аргумента для этнического разделения Боснии и Герцеговины. Ловренович И. Иво Андрич, парадокс о молчании, стр.67. В соответствии с этим, Ловренович утверждает, как в сербской «методологической фальсификации фатально заменяется и путается художественная литература с фактической историей, а речь

чьих доклады или приветственные речи с вышеупомянутого мероприятия в Вышеграде приводятся в качестве примера военных приёмов и ежедневного политического использования творчества Андрича.

Тутневич указывает на типологическое сходство такого вида чтения Андрича (на основе замены исторической и художественной истины) с тем, которое показал Мухсин Ризвич (ещё в трёхтомной *Литературной жизни Боснии и Герцеговины между двумя войнами* от 1980 года), только с другим идеологическим знаком, так как она Андричевская якобы негативная, мрачная картина Боснии и её людей, в первую очередь Мусульман, в этом случае испытывается как “настоящая” и считается аутентичной, и не берётся как грехи вина автора, а напротив считается почти как его заслуга, выраженная в рамках его дальновидности, чтобы исторические процессы (...) воспринимались в их настоящем значении во всех временных измерениях, включая и одну впоследствии, в которой отыгрывалась и новая гражданская война в Боснии. В окончательном смысле и самом банальном переводе протагонисты такого приёма принимают тезис, что творчество Андрича, на самом деле, хотя и косвенно подразумевает вину «Турок и тех, которые обращены в ислам» за негативные последствия османской власти в Боснии, которая постоянно обновляется и в кризисных ситуациях возвращается к причинам своего образования, как это был случай последней войны⁹¹.

Такие взгляды, цитируемые “архаичной патриотической риторикой и патетикой”, артикулируются, как считает Тутневич - “в основном косвенно и случайно, в текстах о Андриче общей природы, в которых чаще всего это и не является основным вопросом обсуждения”, но несмотря на это «и дальше работает для необязательной и произвольной надстройке Андричевского представления о Боснии, которая создаётся на не связанных слоях одного вида национальной, прежде всего эпической совести, стимулированной и оживлённой картинами и ситуациями из творчества Андрича, которая как таковая выдвинулась над этим и потеряла базу в нём”⁹². О такой практике Тутневич говорит по случаю и сербской, и хорватской критики, и утверждает, что «когда под вопросом христианское/крещанское (...) направление этой формы приёмов, надо иметь в виду, что он более представлен в сербской литературе», объясняя это, как косвенные причины (которые видны в «общеизвестной роли и жертве Сербов в национально-освободительных войнах, которые велись против оккупантов, чужой турецкой власти» и “очень большой роли и диапазоне сербского эпоса, в котором эта борьба спета”⁹³), а потом и этой решающей (для такого типа приёма), который касается национального определения и литературной принадлежности писателя (из-за которого хорватское идентифицирование с Андричем как «союзником» не может быть пропорционально сербскому).⁹⁴

персонажа неразрешённо преобразуется в “отношение”, “заявление”, «мнение» писателя, то есть гражданского человека Иво Андрича, которым “подтверждается” правильность некоторых политических идей и проектов... До каких вредных искажений и последствий это можно привести, показало во время войны 1992-95” (67). Посредством записи о “боснийской ненависти”, произведение Андрича идеологически интерпретировано и на хорватской стороне (в течении хорватско-боснийской войны), о чём пишет Иво Жанич, приводя в качестве примера двух политически активных интеллектуалов: университетского профессора литературы Златка Крамарича (многолетнего мэра Осиека) и писателя Ивана Аралицу (смотри: Жанич И., произв., Стр. 53, сноска 5). На вопросительную правильность однонаправленного чтения данного произведения Андрича, кроме Ловреновича, эксплицитно указывает и Славко Гордич, подчёркивающий окончание произведения, в котором главный герой Макс Левенфельд, который бежит от «боснийской ненависти», заканчивает жизнь трагически на Испанской войне, что указывает на “заключение, что в мире есть и худшие вещи от “специфической боснийской ненависти”. Смотри: Гордич С. (29 января 2017) “Мирного хлеба мы хотим”, Политика, стр.14.

⁹¹ Тутневич С. Национальный аспект приёмов творчества Иво Андрича, стр. 214

⁹² Тоже самое, что и на странице 223.

⁹³ Тоже самое, что и на странице 218.

⁹⁴ Вместе с тем, иногда Иво Андрич и его литературное творчество- в условиях текущей или только-что законченной войны- размещены в контекст предполагаемой или подразумеваемой идеи привязанности писателя к сербскому национальному и духовному единству, вместе с несоответственно преувеличенными сербскими размерами в творчестве Андрича. Например, своё обращение на мероприятии в Вышеграде (в марте 1995 года)

Идея, что литературное творчество Андрича “ поставили в поддерживающее отношение к целям собственной борьбы”,⁹⁵ больше всего видна в приветственном выступлении Воислава Максимовича, на тот момент первого ректора ново основанного Университета в Сербском Сараеве и председателя Сербского образовательного и культурного общества « Просвета». Таким образом, открывая “Вышеградскую тропинку” 1993 года, он подчёркивает, как возвращаясь к Андричу, мы “припоминаем его (...) наблюдение о страшных побуждениях отступников от нашей веры и нации, Помним тончайшие анализы их нарушенной и извращенной психики и большой ненависти к сербскому православному народу”.⁹⁶

В следующем году, предлагая, что будущие военные события писатель “почувствовал, предугадал и ясно обозначил”, Максимович говорит, как «никто лучше, чем Андрич не предупредил коварство, лживость и извращённость этой “гибридной” боснийской группы, (...) Мухамединская патологическая ненависть к Сербам, которую Андрич предвосхитил (...), разлилась в эти наши дни через дринские берега. Предвидение Андрича помогло, чтобы не были увлечены и наивны, чтобы были готовы приветствовать эти неизбежные и роковые события”⁹⁷. С другой стороны, Вук Милатович в докладе с заголовком “Как на сегодняшний день читать Андрича” (в котором выступает против наблюдения за творчеством Андрича через “лупу ежедневных политических интересов”⁹⁸) напоминает в одном комментарии, что писательский “прозрачный дух воспринял и пророчествовал всё,

что происходит в Боснии, вперёд открыл причину этого состояния и отметил трагических виновников исторической драмы”.⁹⁹ Оба названных критика литературы, в своей политически мотивированной актуализации Андричевской творческой озабоченности боснийскими темами, делают тоже самое, что например Мухсин Ризвич (только с противоположным утвердительным знаком): из перспективы Максимовича Андрич указывает как писатель, который критически разоблачает боснийских мусульман (“отступников”) и их психику, пока Милатович укрепляет стереотип об их исторической вине (проецированной- якобы со стороны самого писателя – даже и на будущее время)¹⁰⁰.

по поводу пятидесятилетия опубликования трёх романов Андрича, Добрица Чосич начинает таким образом: «Из Сербии и Черногории мы перешли в Боснию по Мосту на Дрине, чтобы в Вышеграде отдать почтение великому писателю Иво Андричу, который своим творчеством построил больше всего самых стойких мостов на Дрине, объединяющих молодобоснийскую Боснию и Герцеговину с Сербией Вука и Черногорией Негоша. Пересекая Дрину, чтобы в этих трагичные и прекрасные дни подтвердить духовное единство сербского народа, убеждены, что с этой целью сегодня вместе с нами был и Иво Андрич (подчёркнул Б.Б) «Смотри статью из газеты, в которой интегрально передаётся выступление Чосича: Чосич Д. (15 марта 1995 года) Telegrafb Вышеграде: что дословно сказал Чосич на Дрине, Telegraf, стр. 21.

⁹⁵ Тутневич С. Указанное произведение, стр. 224.

⁹⁶ Максимович В. Беседы на открытии « Вышеградской тропинки» 93, в:Вышеградская тропинка: сборник текстов и документов из «Вышеградских тропинок» '93,'94,'95, (бр. 1), подготовили Васич Д, и Шушняр М. (1996), Вышеград: СПиКД «Просвјета», стр. 18-19.

⁹⁷ Максимович В. Приветственное слово при открытии реконструированного памятника Иво Андричу, в Вышеградская тропинка, (номер 1), стр. 65-66. Похожее Максимовичу, редактор сборника Андрич и Босняки, Муниб Маглайич, порекомендовал боснийским читателям, чтобы знакомились с творчеством Андрича предосторожностью, для того чтобы « встретить с большей готовностью воды, в которые погрузятся». Маглайич М. Иво Андрич – присутствие писателя в творчестве, в :Андрич и Босняки, стр. 17.

⁹⁸ Милатович В.

Как на сегодняшний день читать Андрича, в: Вышеградская тропинка, (номер 1). стр. 87

⁹⁹ Также самое, стр. 88. О пророческой и дальновидной способности Андрича, Милатович описал в своём докладе, подготовленном для «Вышеградской тропинки»1998. года. Смотри: Милатович В. Пророческий дух Андрича в Травницкой хронике, в :Вышеградская тропинка, номер 2, подготовил Шушняр М. (1999), Вышеград: СПиКД« Просвета», стр. 172-177. Также, похожим образом говорит и Свободан Ракитич в приложении «Парадоксы Андрича» (Вышеградская тропинка, (номер 1), смотри страницы 129 и 131).

¹⁰⁰ В том смысле, мы укажем на вопрос Казаза о концептуальной практике, проводя очень близкую связь (со стороны боснийских критиков, Мухсина Ризвича и автора текста в сборнике Андрич и Босняки) Андричевское литературное творчество и „антимусульманские тенденции» писателя: „Можно ли читать противобоснийскую идеологию по вопросу Андрича? Ответ на этот вопрос, к сожалению, утвердительный, несмотря на то, что одна

Понятно, актуальность сербского военного восприятия в рамках темы, которую мы изучаем, не отражается только в этих двух изолированных примерах, но и в итеративном повторении иллюстрированных отношений, заявленных со стороны интеллектуалов, которые чаще всего занимали высокие политические или публичные функции.

Часто мистифицированная, потому что часто апострофируется, а почти никогда не цитируется и не именуется её “представителями”,¹⁰¹ сербское военное восприятие не имело значительную точку опоры в трудах самых значительных сербских исследователей творчества Андрича. Всё-таки укажем на два примера, в которых соответствующие и разносторонние исследователи Иво Андрича – Предраг Палавестра и Радован Вучкович-отходят от обычного способа, по которому изучали его литературные достижения. Автор нескольких важных исследований о Андриче, Радован Вучкович в тексте “Андрич и боснийские Сербь” (представленным на 12 литературных встречах “Современная сербская проза”, в начале ноября 1995 года в Трстенике), в котором изучает литературный статус сербского сообщества в Андричевских рассказах и романах - выходя вдруг из рамок собственных предыдущих и будущих наблюдений – “погружает” писательскую работу в актуальную военную действительность и подчёркивает, как “яростна эта братоубийственная и религиозная война, чью тень Андрич предчувствовал.

Он взял это, так как мы знаем жертв со всех сторон. Все мы боимся, что в конце сербских жертв будет больше всех, и что этим образом ещё раз *подтвердится вывод Андрича о их трагической исторической судьбе- что в условиях военного хаоса всегда распинали на крест страдания* (подчеркнул Б.Б).¹⁰² Таким образом, Вучкович амнистирует сербскую сторону ответственности в войне (независимо от того, в какой степени она существовала) неадекватно выбирая для „свидетеля“ писателя-Андрича, а для аргументов его якобы утверждённый навсегда исторический диагноз. С другой стороны, в обширной главе „Обращение Андрича Европе“ своей *Книге о Андриче*¹⁰³, Палавестра высказал множество мыслей о важности Андричевских гуманитарных посланий, опосредованных литературной работой, которые официальная (политическая) Европа в начале последних десятилетий 20 века проигнорировала. Несмотря на то, что некоторые размышления Палавестри, связанные с Андричем, несомненно подвергаются критике, к его тексту всё-таки надо подходить осторожно. Этот литературный критик - в условиях неожиданного международного признания Боснии и Герцеговины как независимого государства (без уважения конституционного статуса её трёх народов) и начала гражданской войны – указывает на сформулированные Андричем многолетние литературные «предупреждения» и „обращения“, в которых „упрямо повторяется один и тот же незаменимый и тихий совет к Западу: чтобы в действиях по отношению к Боснии и Балканам не был бы нетерпелив, эгоистичен, грубоват и легкомыслен, но чтобы внимательно отмерял и думал о каждом слове и каждом решении“. ¹⁰⁴ Напоминая об акцентировании Андрича на специфической „зажигаемости“ Боснии и потребности в мудром обращении с ней (при сложных национальных и религиозных возможностях), Палавестра указывает что „необдуманное признание(Боснии) как независимого государства (...) было до сих пор самым большим и самым опасным политическим промахом современной западной дипломатии „,¹⁰⁵ который –

значительная часть сербского приёма Андрича, как здесь подчёркнуто, на основании этой идеологии, фальсифицируя при этом Андрича и ища в нём аргументы для собственного национализма», Kazaz, E. Egzistencijalnost/povijestnostBosne- interpretacija u zamci ideologije str. 126.

¹⁰¹ Между редкими, которые это делают- часто совершенно произвольно (как в случае Ялимама) – Жанич, Казаз, Хаджем, Хайдаревич и Салих Ялимам (кроме уже цитируемых работ Жанича и Казаса, смотри и: Хайдаревич Х. Цитируемое произведение, стр.24; Ялимам С. PoglednajednudeonicuizzivotamladogAndrica в: Андрич и Босняки, стр.28).

¹⁰² Вучкович В. Андрич и боснийские Сербь, в: Сборнике Двенадцатых *литературных встреч « Современная сербская проза*», редактор Вукашинович В. (1996), Трстеник: народный университет, стр.85

¹⁰³ Палавестра П. (1992) Обращение Андрича Европе, в: *Книга о Андриче*, Белград: БИГЗ. Стр.221-282.

¹⁰⁴ Тоже самое, что и на странице 249-250.

¹⁰⁵ Тоже самое, что и на странице 227-228.

это литературный критик особенно подчёркивает – ставил под угрозу самую основу и идею её мультикультурности,¹⁰⁶ так как они признанием отделения Боснии и Герцеговины (помимо воли одного из трёх конституционных народов) благоприятствовали мусульманским интересам. В культурном плане, таковой вид политических перемен по мнению Палавестра, нарушил „существующую цивилизационную модель Боснии, изменён язык культуры и духовный контекст произведений Андрича“¹⁰⁷. Противопоставляя самодостаточности носителей глобальной политической мощи идею мультикультурности, „которая находится в основе Андричевского взгляда на мир, как и в основе его отношения к Боснии и Балканам“,¹⁰⁸ Предраг Палавестра на самом деле пытается не только подчеркнуть политическую, вместо эстетической, значимость произведений Андрича, но и его представить как более надёжного, благонамеренного и более квалифицированного „советника“¹⁰⁹ по Балканским проблемам по отношению к политикам и иностранным академическим экспертам по балканским исследованиям. Оттуда отношение Палавестры к рассказу Андрича „Письмо из 1920 года“ - который имеет выразительно эссеистический и программный характер“ и представляет не только „несущий столб в его медленно приобретенном, тяжёлом и предупреждающем видении балканского тёмного вилайета“,¹¹⁰ но и самого непосредственного и самого потрясающе горького предупреждения Европе“¹¹¹ - но во многом противоречивое (потому что, стоит вопрос, насколько этот рассказ программный, при чём не надо идти в другую крайность и утверждать, что он не имеет никакой сознательной ценности¹¹²), сказаны не как аргумент для этнического разделения Боснии и Герцеговины, но чтобы призвать к преодолению этнических разделов в Боснии и сохранении „изначального“ югославского сообщества. Таким образом наблюдая этот текст, написанный с похожей мотивацией, какую имел Войслав Вейн Вучинич, стэндфордский

¹⁰⁶ Тоже самое, что и на странице 229

¹⁰⁷ Тоже самое, что и на странице 229.

¹⁰⁸ Тоже самое, что и на странице 277.

¹⁰⁹ Тоже самое, что и на странице 223.

¹¹⁰ Тоже самое, что и на странице 243.

¹¹¹ Тоже самое, что и на странице 275. В книге *Видение мира у Иво Андрича* исламолог Миролуб Йевтич прилагает усилия, чтобы анализируя Андричевское знание ислама с точки зрения политологии религии, снять возражения боснийских интеллектуалов (в первую очередь Мухсина Ризвича), который оспаривают «исламское знание Андрича» - демонстративно в его диссертации, повествовательном и романтизированном литературном труде – как неправильное и злонамеренное. Исследование Йевтича, стилистически дисгармоничное и написанное поучительным тоном – хотя для читателя имеет познавательную ценность (о проявлении ислама как политической религии, о боснийских мусульманах как о носителях государственной власти во время османской управления Боснией, о природе толерантности в Османской империи) – остаётся непродуктивной для понимания литературного творчества, как и её заключения, что «всё что Андрич говорил, исламистически и исторически точно. Поэтому ему ни Ризвич, ни кто-нибудь другой не может делать серьёзных замечаний» (192). Здесь книгу Йевтича вспоминаем потому, что автор - кроме рассказа „Письмо из 1920 года“ - как пример Андричевского „предупреждения“ относит рассказ „Труп“. До какой степени Йевтичева интерпретация произвольна, свидетельствует и его объяснение речи о Челеби Хафизе, которое фра-Петре обращает его слушатель-христианин из Ливана („Да, такой Турок. Изрежь его на куски и каждый кусок тела будет и дальше жить отдельно. И последний грамм мяса двигается точно также, как бы и живой и целый Турок двигался“). Сербский политолог религии цитированием слов придаёт „смысл государственной-правовой теории“, и так – в его понимании – речь о стремлении мусульман к „созданию единственного политического общества, т.е. государства, которое бы собрало всех мусульман (...). Этим ясно дал понять, что „Труп“ указал как только мусульмане могут вести себя, какими бы маленькими они были“ (34). Своим отношением в этом рассказе, Андрич, как считает Йевтич, «намекнул, что ни одна часть исламского тела не может вести себя по другому, кроме как остатоки труп в целом. Эти предупреждения никто из ответственных не видел вовремя и не принял. А они оказались точными» (136). В ещё одном месте, связанном с тем же рассказом, Йевтич говорит: „Эта оценка Андрича, которая относится к мусульманам, т.е. на части, которые выпали из сообщества, оказались абсолютно точными на боснийском примере“ (33). Йевтич М. (2013) *Исламское видение мира у Иво Андрича*, Белград: Центр по изучению религии и религиозной толерантности.

¹¹² Сравни размышление Жанеты Джукич-Перишич в книге: Đukić Perišić Z (2012) *Pisac i priča: stvaralačka biografija Ive Andrića*, Nov i Sad: Akademskaknjiga, str. 400-403.

славист и историк сербского происхождения, в свойстве редактора сборника научных работ *Ivo Andrić Revisited: The Bridge Still Stands* (1995 года),¹¹³ который каким-то образом представлял отражение академических усилий, чтобы посредством выделения сообщения и символов из Андричевского литературного труда показать сопротивление национальной и религиозной исключительности, как и военными конфликтами, которые в дальнейшем продолжались. Оба эти примера, и работа Палавестры, и некоторые статьи из упомянутого американского сборника, свидетельствуют о рискованности актуализации и реинтерпретации (в специфическом политическом контексте) некоторого литературного творчества, и о опасности выйти из области установленного анализа о законах литературного текста, незаметно перейдет в поле произвольной интерпретации писательских сообщений. Так с бессмысленной и удивительной оценкой, что в «Письме из 1920 года» представлено „предложение, чтобы иностранцы и мировые учёные должны в Боснии изучать ненависть, как другие изучают проказу“ (высказано со стороны Макса Левенфельда, как Андричевого предполагаемого альтерэго), Палавестра через одну главу своей книги настаивает на исламской угрозе боснийской мультикультурности, и говорит о фактическом „ветре исламизма“¹¹⁴ и „сильных ударах боевого исламского тоталитаризма“.¹¹⁵ Как то, что в нашем анализе показывается как очень спорное - это суждения Палавестры непосредственной взаимосвязи этих собственных видений югославской политической действительности с Иво Андричем, который на его взгляд, даже и сегментами своего литературного труда „открыто предупреждал Европу, что цели и история исламского проникновения на Запад незакончены и что любые будущие преступления в Боснии самые тяжёлые несчастья и страдания принесут больше всего христианскому миру“.¹¹⁶ В последнем случае, следовательно, суждения Палавестры, хотя и высказаны с позиции, которая идентична той, которую мы описали как характеристичную для сербских военных приёмов – всё таки включает и стереотип о Андриче как о писателе, который в своём прозаическом литературном труде мусульманам приписывал историческую вину. Также, кроме уже интерпретированных примеров, надо заметить и один совсем несоответствующий и нетипичный вид критики, через который Андрича обвиняют за антисербские чувства, представленный заявлением Миряны Стойисавлевич, профессора стилистики сербского языка с Филологического факультета из Бая-Луки, что „как сама диссертация и его литературное творчество тоже было идеологически пронизано югославством, что всё вместе требует тщательного исследования идеологической конструкции Андричевского творчества, которое как бы неназывалось, было и осталось в службе римокатолического хорватского экспансионизма“.¹¹⁷ Нетолько в цитируемом тексте 2010 года („Диссертация Андрича в культурологическом и лингвистическом контексте“), но и в других местах (в книге *В конце западного пути*) Миряна Стойисавлевич, пользуется многими гипотезами, полуистинами и произвольностями, вынося оценки, что „Андричев выбор, по нашему суждению был, мотивирован самыми высшими целями: чтобы как иудеохристианский „фра Иво“ стал самым лучшим сербским писателем и таким образом сербская литература в большей степени хорватизовалась“, как и что Андрич „лидер стратегии хорватизации сербской литературы“.¹¹⁸ После того, что- якобы политическими причинами мотивирована – партийная власть представляла этого „коммунистического государственного писателя, чья докторская диссертация кипит от религиозной нетерпимости к мусульманам и сербам“,

¹¹³ Смотри: Vuchinich, W. S. (ed), op. cit.

¹¹⁴ Палавестра П. Указанное произведение, стр. 240

¹¹⁵ Тоже самое, что и на странице 277.

¹¹⁶ Тоже самое, что и на странице 258.

¹¹⁷ Стойисавлевич М. Диссертация Андрича в культурологическом и языковом контексте, in: *Das Grazer Opus von Ivo Andrić (1923-1924) = Grački opus Iva Andrića (1923-1924)*, Hrsg. Tošović, B. (2011), Graz – Beograd: *Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität – Beogradska knjiga str.125*

¹¹⁸ Стойисавлевич М. (2015) Андрич между хорватством и сербством, в : *В конце западного пути: поэтика и комментарии*, кн. 2, стр. 102, 104-105.

самым лучшим сербским литературным творцом, „с тех пор сербская литература была таким образом профилирована, чтобы не была православной, но прокатолической и прохорватской, в которой доминирует масонизированный хорватский конвертит, покрытый униатским и иудейским духом“, который из „политически-прагматичных причин определился как сербский писатель, оставляя без ясного ответа, почему один хорватский писатель хочет войти в такую „никакую“ литературу (Стойисавлевич имеет в виду Андричевское диссертационное утверждение, что сербская литература создавалась в Боснии под турецкой властью и не может сравниться с францисканской), вызывая непоправимое оскорбление этой литературе, унижая, на самом деле, и всю сербскую нацию“. Совсем упомянутым, автор в связи с романом *Мост на Дрине*, напоминает, что „этот Макиавелли нашего времени и большой архитектор слова, умело придумал заговор, как путём своего романа *Мост на Дрине*, возникший, явно, на римокатолической „теологии моста“, ¹¹⁹ построить метафизический мост для того, чтобы цивилизационное влияние с Запада, которое горячо призывает на страницах своей диссертации, созданной по всем правилам венской историографической школы лжи и обмана, могло перейти эту заколдованную границу и перетечь на православный Восток“. ¹²⁰ Когда речь идёт о критиках, которые изучали сравнительным исследованием национально отмеченные идеологические типы приёмов в постюгославском контексте, подчеркнем, что актуальностью и (или) частотой употребления отличаются преимущественно эссе Иво Жанича („Писатель в изоляции: использование литературы Андрича на войне в БиГ“, 1996), Енвера Казаза („Эгзистенциальность / история Боснии-интерпретация в ловушке идеологии“, 2000), Станиши Тутневича („Национальный аспект приёмов творчества Иво Андрича“ 2000), Ивана Ловреновича („Иво Андрич, парадокс о молчании“, 2007), ¹²¹ как и статьи двух иностранных сербохорватологов – Силии Хоксворт („Иво Андрич: красный платок на политической арене“, 2002 год.; ¹²² внесены изменения в сербскую версию 2004 г.) и Санг Хун Кима ¹²³ („Андрич как объект ненависти“, 2011) ¹²⁴. В

¹¹⁹ Таким, слишком легко высказанным, комментарием автор показывает своё поверхностное знание о литературном творчестве Андрича и вторичной литературы о нём, в которой символ мостов воспринимается в двух ключевых значениях: 1) как метафора всего общего и абсолютного времени, как утверждение принципа прочности, долговечности и красоты (противоположным принципам, существующим в жизни) и преодоление отдельной людской трагедии (о чём с большой уверенностью пишет Пётр Илич, прежде всего в исследовании „Дубовая балка в каменных воротах“); и 2) в значении потребности для преодоления разрыва между культурами, цивилизациями и людьми и их связи и диалога вопреки всем противоречиям.

¹²⁰ То же самое, что и на странице 106, 108, 141.

¹²¹ В более ранних сносках работа Ловреновича была процитирована из журнала *Мотришита* (2008 г.), но первый раз появилась за год до этого, как предисловие к четырём книгам Андрича, которые появились в изданиях *Хорватская литература Боснии и Герцеговины в 100 книгах*.

¹²² Hawkesworth C. (2002) Ivo Andrić a Rad Ragand Political Football, *Slavonic and East European Review* 80(2), pp. 201-216

¹²³ Kim S. H. (2011) Andrić as an Object of Hate: Reception of Ivo Andrić's Works in the Post-Yugoslav Context, *Slavistična revija* 59(1), Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, pp. 49-63.

¹²⁴ Среди здесь не упоминаемых очень интересный пример работы Рашида Дурича (недавнего сотрудника Славистического института Университета в Бохуме). Этот боснийский историк южнославянских литератур в своём выступлении на Задарском славянском собрании в 2011 году осторожно предупредил о необоснованности сокращения творчества Андрича на идеологию „антимусульманства и антибоснийства“ (62) в выступлениях Ризвича, Дураковича и Муминовича (как на следствие их „эмоционального испытания прозой Андрича“ (64), которые игнорировали совместное существование двух аспектов Андричевской литературы: её высокие эстетические ценности („магии искусства“) и „вопросительной объективности“ литературной истины (Дурич под этим подразумевает, что Андрич делает недостаточное различие между „оправданной критикой турецкого колониализма“ и неоправданной критикой „ислама как культуры и религии“ (82)). Дурич потом, каким-то образом, защищает боснийских критиков Андрича, утверждая что несмотря на то, что они пренебрегают эстетической уместностью его творчества, они всё-таки представляют пример „освобождения совести и сознания боснийского приёма Андрича“ и выступают с позиции обороны „морального достоинства“ (63); пока - вдруг в случае писателя – мешает и „оправданная критика турецкого колониализма“, которую переформулировал в неоправданную, т.е. в „(не)умеренную критику турецкой власти как якобы причину большого страдания христиан“ (63). Вместе с этим, на границе злонамеренности, невежества и бесчувственности находится его оценка о Станиши Тутневиче как о сербской версии Мухсина Ризвича, в

одном своём недавно объявленном объёмном тексте, автор статьи указал на неадекватный третман сербского военного приёма в упомянутых работах Жанича, Казасаи Ловреновича, который, с одной стороны, предполагает как состояние националистической идеологизации восприятия литературного творчества Андрича – между тремя национальными коллективистскими моделями – больше всего выражено в сербском научном и культурном обществе (что подразумевает, что это более радикальное, национально более рьяное и более политически эффективное, чем случай с боснийским или хорватским идеологическим приёмом), а с другой стороны – националистически направленное (зло)употребление Андрича косвенным образом представляют как более частый тип изучения творчества этого писателя внутри сербской науки о литературе. Такой своей оценкой, надо напомнить, что упомянутые критики всё-таки упускают из виду экстенсивность и научную уместность изучения творчества Андрича в новейшей сербской литературной истории, и заодно упускают из виду – по отношению к целому и преобладающему виду интерпретации – военный приём литературы Андрича и появление её уменьшения на политически употребляемую национальную формулу, указывает как ограниченная практика, реализованная вне родительской и доминирующей, на литературных критериях налаживания традиций изучения творчества этого писателя.

Точно также, предположения о сербском идеологическом приёме, который в национализме сравнительно выделяется по отношению на эквивалентное видение боснийской интерпретации произведений Андрича можно опровергнуть, указав на очевидность, что в сербском военном (или попозже) политическом приёме не существует ни один близкий коллега по трудам Мухсину Резвичу, или в новейшем примере, Русмиру Махмутчехайичу. И в конце скажем и то, что исследовательский фокус в этом тексте был направлен прежде всего на обзор идеологических моделей приёмов (в различных национальных средах в постюгославском периоде) из литературно-критической перспективы (связанной способами интерпретации литературного творчества Андрича), но не литературно-исторической (те, которые бы касались его литературной принадлежности), из-за чего хорватские идеологические отзывы на „явление Андрич“ в основном остались вне домена охватываемого темой этой работы.

соответствии с которой Дурич выделяет, как Тутневичев „дискурс в основе осуществляется на том же идеологическом уровне, как и у тех, которые стараются оспорить приём Андрича“ (75-76). На каких предположениях боснийский критик базирует это вывод Дуричу, как видно, не нравится Тутневичевское нахождение примера замены исторической и художественной истины в боснийской критике („для вышеупомянутых тезисов“, как пишет, „Тутневич между прочем изредка выносит личные эстетические аргументы „(75), что совсем беспредметное замечание, так как сам Дурич в своём тексте выносит много таких примеров о неразборчивости двух типов „истины“ (при этом, Тутневич ни сербских критиков не амнистирует от ответственности за похожую практику). На самом деле (76) заявляет позицию, что на примере интереса Тутневича идеологическими видами приёмов, на самом деле, речь идёт о критическом «идеологическо-политическом приёме идеи и идеологии Андрича „(это для которой Дурич раньше записал, что „неустойчива“ на антибоснийское (62). Насколько такое утверждение о Тутневиче как о защитнике якобы антибоснийской идеологии Андрича неуместно и непонятно свидетельствует и факт совсем противоположного значения: что с одной стороны Тутневич, критик который последовательно – во всех своих текстах, в которых изучает генезис и модели внелитературной интерпретации произведений Андрича – оспаривает присутствие любой антимусульманской тенденции в нем, а с другой стороны, острыми критическими замечаниями выносит те интерпретации в сербской среде, которые считают, что Андрич героев боснийских мусульман показывал негативным образом, вынося это как заслугу писателя. Дурич Р. Бесспорная художественная магия и вопросительная объективность некоторой прозы Андрича через значение противопоставления сербских и боснийских приёмов, в: *Zadarski filoloski dani IV: сборник статей с Международной научной конференции „Zadarski filoloski dani 4“, которые состоялись 30-ого сентября и 1 октября 2011, редакторами были Божич Р.и Самбуяк С. (2013), Задар: Университет Задр, стр.57-86.*

ЛИТЕРАТУРА:

- Abadžija, M. Kadknjiževnakritikakolabiraukolastiku, u: *Nacijaipoststrukturalizam: zbornikanalizai članaka*, uredili Sokolović, M. i Imamović, H. (2013), Sarajevo: Interkultura, str. 84-94.
- Андрић, И. (1924) *Прповетке*, Београд: Српска књижевна задруга.
- Andrić i Bošnjaci. *Zbornik radova. Bibliografija*, urednik Maglajlić, M. (2000), Tuzla: Bošnjačka zajednica kulture „Preporod” – Općinsko društvo.
- Vazdulj, M. (17. septembar 2013) Ivo Andrić između Mahmutčehajića i Kuljiša, *Oslobođenje*.
- Banas, I. (2013) Politički aspekti Andrićeve djelovanja, *Forum Bosnae* 61/62, Sarajevo: Međunarodni forum Bosna, str. 116-121
- Beganović, D. (30. jul 2009) Orientalizam i nacionalna ideologija, *Oslobođenje* (Sarajevo), str. 11. Булатовић, Б. (2017) Критичко преиспитивање у поредних вредносних оцена националних идеолошких видова марцепције Андрићевог дела, *Свеске Задужбине Иве Андрића* 36(34), Београд: Задужбина Иве Андрића, у штампи.
- Bosanski pogledi* (1984), pretisak, Zürich: Stamaco.
- Beganović, D. (2013) Islam und Christentum zwischen Ablehnung und Verflechtung. Der Franziskaner-Zyklus von Ivo Andrić gelesen im Kontext seiner Dissertation, *Slavica Tergestina* 15, Trieste: Università degli Studi di Trieste, S. 92-130.
- Вишеградска стаза: зборник текстова и докумената са 'Вишеградских стаза' '93, '94, '95*, [бр. 1], приредили Васић, Д. и Шушњар, М. (1996), Вишеград: СПИКД „Просвјета”.
- Вишеградска стаза*, бр. 2, приредио Шушњар, М. (1999), Вишеград: СПИКД „Просвјета”.
- Vučković, R. (1974) *Velika sinteza*, Sarajevo: Svjetlost.
- Вучковић, В. Андрић и босански Срби, у: *Зборник Дванаестих књижевних сусрета „Савремена српска проза”*, уредник Вукашиновић, В. (1996), Трстеник: Народни универзитет, стр. 77-86.
- Вучковић, Р. Напомене о рецепцији Андрићевих дела у српској књижевној критици, у: *Зборник о Андрићу*, уредник Вучковић, Р. (1999), Београд: Српска књижевна задруга.
- Гордић, С. (29. јануар 2017) ‘Мирног хљеба смо жељни’, *Политика*, стр. 14.
- Gorup, R. J. (2001) Reader as Critic: Ivo Andrić's *Bosnian Chronicle*, *Serbian Studies* 15(2), Bloomington: Slavica Publishers, pp. 217-228.
- Delić, M. Korijeni Andrićevih moralnih devijacija, 06. januar 2011 [<http://www.bosnjaci.net/prilog.php?pid=40118>].
- Duraković, E. (1997) Andrićevo djelo u tokovima ideologije evrocentrizma, *Znakovi vremena* 1(2), Sarajevo: Naučnoistraživački institut „Ibn Sina”, str. 97-108.
- Durić, R. Nesporna umjetnička magija i upitna objektivnost nekih Andrićevih proza kroz vrijednosno suprotstavljenu bošnjačku i srpsku recepciju, u: *Zadarski filološki dani IV: zbornik radova s Međunarodnoga znanstvenog skupa „Zadarski filološki dani 4” održanoga u Zadru 30. rujna i 1. listopada 2011*, uredili Božić, R. i Sambunjak, S. (2013), Zadar: Sveučilište u Zadru, str. 57-86.
- Đukić Perišić, Ž. (2012) *Pisac i priča: stvaralačka biografija Ive Andrića*, Novi Sad: Akademska knjiga.
- Žanić, I. (1996) Pisac na osami: upotreba Andrićeve književnosti u ratu u BiH, *Erasmus* 4(18), Zagreb: Erasmus Gilda, 48-57.
- Zubanović, S. Velikosrpska književnostje prethodnicagenocida, 07. jul 2015 [<http://www.bosnjaci.net/prilog.php?pid=56210>].
- Јевтић, М. (2013) *Исламска визија света код Иве Андрића*, Београд: Центар за проучавање религије и верску толеранцију.
- Јоковић, М. (1998) Профетски аспекти Андрићеве уметности, у: *Језик у долини оностраног*, Београд: Рашка школа, 22-31.

- Kazaz, E. (2001) Egzistencijalnost/povijesnost Bosne – interpretacija u zamci ideologije (U povodu zbornika radova *Andrić i Bošnjaci*, BZK Preporod, Tuzla, 2000), *Novi izraz* 10/11, Sarajevo: P.E.N. Centar Bosne i Hercegovine, str. 120-136.
- Kazaz, E. (2001) Od povijesnog do simboličkog toposa, *Razlika/Différance* 1(1), Tuzla: Univerzitet u Tuzli, str. 75-91.
- Kahrović-Posavljak, A. (2012) Čitanje kao kanonizacija: metode falsificiranja tekstana primjeru 'Mare milosnice' Ive Andrića", *Anzeiger für Slavische Philologie* 40, Graz: Institut für Slawistik, str. 21-38.
- Kim, S. H. (2011) Andrić as an Object of Hate: Reception of Ivo Andrić's Works in the Post-Yugoslav Context, *Slavistična revija* 59(1), Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, pp. 49-63.
- Kreševljaković, N. (1990) Ivo Andrić Markiz de Sad naše književnosti, *Vox* 6, Sarajevo, str. 6-8.
- Куртовић, Ш. (1994) *На Дрини ћуприја и Травничка хроника* од Иве Андрића у свјетлу братства и јединства, *Свеске Задужбине Иве Андрића* 12/13(9/10), стр. 387-434.
- Lasić, M. (20. avgust 1999) Sramnička hronika, *Dani*, str. 42-43.
- Longinović, T. Z. East Within the West: Bosnian Cultural Identity in the Works of Ivo Andrić, in: *Ivo Andrić Revisited: The Bridge Still Stands*, ed. Vucinich, W. S. (1995), Berkley: University of California, pp. 123-138.
- Lovrenović, I. (7. decembar 1982) Šest decenija tajne, *Danas* (Zagreb), str. 61.
- Lovrenović, I. (2008) Ivo Andrić, paradoks o šutnji", *Motrišta* 12(41), Mostar: Matica hrvatska Mostar, str. 49-84.
- Lovrenović, I. Andrići 'zemlja mrznje' (2), 19. januar 2014 [<http://www.autograf.hr/andric-i-zemlja-mrznje-2/>].
- Mahmutćehajić, R. (2009) *Preko rijeke: o pjesništvu Maka Dizdara*, Sarajevo: Buybook.
- Mahmutćehajić, R. (2013a) Andrićism: An Aesthetics for Genocide, *East European Politics and Societies* 27(4), Thousand Oaks (CA): SAGE Publications, pp. 619-667.
- Mahmutćehajić, R. (2013b) Andrićevstvo: protiv etike sjećanja, *Forum Bosnae* 61/62, str. 122-140.
- Mahmutćehajić, R. (2015) *Andrićevstvo: protiv etike sjećanja*, Beograd: Clio.
- Milutinović, Z. (2008) Misunderstanding is a Rule, Understanding is a Miracle: Ivo Andrić's *Bosnian Chronicle*, *Slavonic and East European Review* 86(3), Leeds: Maney Publishing, p. 443-474.
- Мулалић, М. (2016) Нобеловац Иво Андрић и његово награђено дјело *На Дрини ћуприја, Свеске Задужбине Иве Андрића* 35(33), стр. 267-292.
- Палавестра, П. (1992) Андрићево обраћање Европи, у: *Књига о Андрићу*, Београд: БИГЗ, стр. 221-282.
- Rakić, B. (2000) The Proof Is in the Pudding: Ivo Andrić and His Bosniak Critics, *Serbian Studies* 14(1), pp. 81-91.
- Rizvić, M. (1980) *Književni život Bosne i Hercegovine između dva rata*, knj. 1-3, Sarajevo: Svjetlost.
- Rizvić, M. (1995) *Bosanski muslimani u Andrićevu svijetu*, Sarajevo: Ljiljan.
- Стојисављевић, М. Андрићева дисертација у културолошком и језичком контексту, in: *Das Grazer Opus von Ivo Andrić (1923-1924) = Grački opus Iva Andrića (1923-1924)*, Hrsg. Tošović, B. (2011), Graz – Beograd: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität – Beogradska knjiga, стр. 103-150.
- Стојисављевић, М. (2015) Андрић између хрватства и српства, у: *На крају западног пута: поезика и коментари*, књ. 2, стр. 85-167.
- Танасковић, Д. (1994) Рецепција дела Иве Андрића у југословенској муслиманској средини, *Научни састанак слависта у Вукове дане* 22(1), Београд: Међународни славистички центар, стр. 221-233.
- Тутњевић, С. (1994) Политички статус Иве Андрића у свјетлу једног новог извора, *Свеске Задужбине Иве Андрића* 12/13(9/10), стр. 441-459.
- Тутњевић, С. (2000) Национални аспект рецепције дјела Иве Андрића, у: *Динамика српског књижевног простора*, Бања Лука: Глас српски, стр. 183-243.

- Тутњевић, С. (2011) Андрићевска слика свијета и муслиманска/бошњачка књижевност, у: *Размеђа књижевних токова на Словенском Југу*, Београд: Службени гласник.
- Тутњевић, С. (2016) 'Приповједно обешчовјечавање босанских муслимана', *Свеске Задужбине Иве Андрића* 35(33), стр. 297-314.
- Ћирковић, С. (1982) Мишљење проф. Симе Ћирковића о Андрићевом докторату, *Свеске Задужбине Иве Андрића* 1(1), стр. 247-249.
- Filipović, M. (1967) Bosanski duh u književnosti – štajeto?: pokušaj istraživanja o povodu o zbirci poezije M. Dizdara *Kamenispavač*, *Život* 16(3), Sarajevo: Svjetlost, str. 3-18.
- Хоксворт, С. (2004) Иво Андрић: црвена марама у политичкој арени, *Свеске Задужбине Иве Андрића* 23(21), стр. 138-155.
- [Ćosić, D.] (15. Mart 1995) *Telegraf* u Višegradu: šta je doslovno rekao Ćosić na Drini, *Telegraf*, str. 21.

Са српског превела Лидија Лазич Золотовскиј
Перевод с сербског Лидия Лазич Золотовский